

АНА САКРҮ

ДОВЫЧА ЯРПА
БЬОРҚА

Варравы

Ана Сакру

Добыча ярла Бьорка

«Автор»

2023

Ана Сакру

Добыча ярла Бьорка / Ана Сакру — «Автор», 2023 — (Варравы)

Даже если вы попали в другой мир и местные пытаются вас сжечь на костре, все равно есть два выхода:Первый- умереть достойно,чтобы какой-то там их Бог вас принял.Второй- стать ходячим проклятием для захватывающих в этот момент город викингов. Что бы вы выбрали?Вот и я тоже...#мир, близкий к Скандинавии в эпоху викингов#борьба за власть#от неприязни до любви

Содержание

1	5
2	11
3	19
4	24
5	34
6	43
7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ана Сакру

Добыча ярла Бьорка

1

-Бу-у-у.... Кто посмел меня разбуди-и-ить? – тяну я, Оля Лискина, рыжая девица двадцати пяти лет отроду, организатор детских праздников и иногда (как сейчас) аниматор по совместительству, угрожающим голосом, выставив руки вперед и пытаюсь схватить кого-нибудь из зазевавшейся детворы.

Ответом мне служит взрыв детского визгливого смеха и топот кучи маленьких убегающих ног. Я моргаю, пытаюсь хоть что-то увидеть сквозь плотный туман, пущенный дым-машиной, и кривлюсь, когда нос щекочет слегка прогорклый запах. Надо не забыть Косте потом по котелочку настучать за то, что с дымом перестарался, отмечаю недовольно про себя. А вдруг кто-то из детей сейчас навернется, ничего перед собой не видя, и шею сломает? И поедет ребенок в больницу, а мы как организаторы сего безобразия в участок...Ладно...Тьфу-тьфу-тьфу...Продолжим...

Я поворачиваю голову на ближайший ко мне топот маленьких ног, сопровождающийся булькающим смехом. Выхватываю взглядом сквозь плотную пелену синюю тень и резко выбрасываю руки вперед, на секунду вцепляясь жертве в кофту. От оглушительного счастливого визга противно звенит в ушах. Держу бесконечное мгновение вырывающегося пацана и отпускаю. Он с гиканьем тут же исчезает в серой пелене, окутывающей меня со всех сторон.

– Я- великая ведьма-а-а! – продолжаю я устрашающим голосом, делая ещё шаг к центру зала.

Вернее, туда, где он должен находиться в моём представлении. Дым не желает спадать. Это странно и это нервирует. Здесь конечно не самое светлое помещение, но...Блеклые, рассыпающиеся в хмари, разноцветные огни стробоскопов мигают как маяки в штормовую погоду. Детский смех и визг шумит оглушающим фоном. К горлу подкатывает дурнота...

Да что со мной?

Качнувшись, делаю ещё шаг в темнеющем пространстве. Может дымом этим надышалась? Станный он какой-то...Горький, густой...Всё плотнее... Что там Костя с этой чёртовой дым-машиной намудрил? Нас же родители убьют, если дети отравятся! Провели, называется, праздник...

Я не могу понять, кружится ли мир вокруг, так как исчезают все ориентиры кроме разноцветных неясных вспышек стробоскопа. Всё происходит так быстро. Сознание мутнеет за секунды. К горлу подкатывает паника. В глазах темнеет.

– Костя-я-я...– тонко хриплю не своим голосом, пытаюсь продышаться. Собственный голос далеким затухающим эхом проносится в ушах.

Гортань застилает копотью. Туман чернеет. Я пытаюсь сделать ещё шаг и проваливаюсь в бездну.

***

Первое, что ощущаю, выплывая из вязкой прилипчивой тьмы, – жар, удушье и копоть. Чёрный густой дым забивает лёгкие сладковатой вонью, дерёт горло, заставляет слезиться глаза. Пытаюсь проморгаться, силясь хоть что-то понять. Кожу печёт сильнее с каждым мгновением, словно я ступаю босыми ступнями в костёр. Рецепторы беспорядочно сообщают о боли, вспыхивающей по всему телу. Дергаю руками и понимаю, что не могу... Я вообще не могу пошевелиться! Я привязана!

Боже, что за...

Дёргаюсь сильнее. Точно, спина прижата к какому-то столбу, плечи ломит от сильно заведенных назад рук, в запястьях впивается грубая толстая веревка, которую я нащупываю немеющими дрожащими пальцами, лодыжки тоже крепко связаны...

Паника окатывает ледяной волной, выступает липким потом вдоль позвоночника. Я ничего... Ничего не понимаю!

– Костя-я-я! – истерически ору, пытаюсь разглядеть что-то сквозь плотный дым перед глазами, – Костя! Нина!

Господи, да что же это...

Ноги печёт все сильнее, ступни колет... И я понимаю, что босая... И что стою на ветках... И что ветки эти...

– А-а-а-а!!!!А-а-а!!!Помогите-е-е!!! Горю-у-у!!!!А-а-а!!!!

Ужас. Самый настоящий, животный, непередаваемый. Я так ору, что оглушаю саму себя. Трепыхаюсь на столбе пойманной беснующейся птицей. Сквозь слёзы и дым наконец различаю какие-то фигуры – целую толпу молча смотрящих на меня людей. И они ничего не делают. Ничего! Сердце бьется как безумное. И я бьюсь вместе с ним в агонии. Мне некогда думать о том, что происходит. Я просто не хочу умирать!

– Пожалуйста! Кто-нибудь! Помогите!!! – воплю, что есть мочи, пытаюсь разглядеть хоть одного из окружающих меня людей более четко, установить какой-никакой зрительный контакт.

Я вижу, как шевелятся губы на их расплывающихся лицах. Но слух изменяет мне, и я не сразу понимаю, что стоящий гул в ушах – это не шум моей крови, а их мерные, словно механические выкрики. А когда до меня доходит смысл того, что именно они говорят, ужас оборачивается холодящей, придавливающей к земле обреченностью.

– Ведь-ма-ведь-ма-ведь-ма...

Кто? Я???

– Нет!!! С ума сошли??!?!– ору в ответ и реву, потому что лижущее пламя подбирается к пальцам ног. Мои распущенные, почему-то такие грязные волосы начинают скручиваться вокруг головы от жара, длинная странная юбка на мне тлеть.

– Не-е-ет! – я уже просто рыдаю.

-Ведь-ма-ведь-ма-ведь-ма...– несетя равнодушным приговором со всех сторон.

Это просто сон. Дурной сон, это не по-настоящему...

Но мне больно, и нет ничего реальней этих ощущений!

И я не понимаю, как проснуться... Как?!

Темная мужская фигура отделяется от общей толпы, медленно подходя ближе. Пытаюсь рассмотреть человека сквозь копоть и слёзы, но не могу. Он – размытое пятно в синем балахоне, грузное, ковляющее ко мне, опирающееся на кривой посох. Лишь белая борода, жидкая, почти до пояса, обозначенного кожаным шнуром, колышась на ветру, видна отчетливо. Старик останавливается в метрах пяти, и я почти четко вижу его лицо, морщинистое и равнодушное. Он поднимает свободную от посоха руку и указывает на меня.

-Время пришло, ведьма, угомонись, – его сильный голос такой глубокий и властный, что затихает всё вокруг.

И даже я. Только глазами хлопаю, мечтая разглядеть старика получше.

– Прими наказание за свои деяния достойно. И может не великая Матерь, так хоть Буян уведет тебя в свои хладные чертоги. Он любит тех, кто с гордо поднятой головой является к нему,– продолжает торжественно вещать дед в балахоне.

А я понимаю для себя одно.

Из вышесказанного я заключаю, что меня действительно собираются поджарить. Я без понятия, откуда взялись эти психи на детском празднике и куда меня отвезли, но единственный шанс выжить – продолжить орать...И я продолжаю, не смотря больше на чокнутого деда, вещающего дальше, а судорожно вглядываюсь в безразличные лица остальных обступивших меня людей. Ну должен же здесь хоть кто-то быть нормальный! Ну хоть один!!! Мамочки, пожалуйста!!! По-жа-луй-ста!!!

Отчаяние сковывает кольцом, нос щекочет отвратительный запах паленой кожи. Моей кожи, моей! Я и не думала, что способна так вонять! Боль раскаленными иглами атакует сознание. Настойчивые звуки колокола звучат набатом. Это наверно они меня пытаются заглушить...Дыма становится слишком много, чистого кислорода слишком мало, и я с трудом понимаю, что вокруг вдруг все засуетились. Танцевать что ли собрались? Сектанты- извращенцы...Или просто расходятся? Дальше не интересно?

Чужие крики с трудом долетают до моего мозга, охваченного паникой. Тем более, что галдящий колокол не желает замолкать. Ноги ошпаривает кипятком, я чувствую, как шипит моя собственная кожа. Где-то в глубине рождается спасительное смирение. Это конец...Я почти

отключаюсь. Думаю, что вот сейчас очнусь на полу детского центра и засуну в одно место Косте его дым- машину, и...

Меня с ног до головы обдаёт ледяной водой. Я хватаю воздух как рыба, отряхиваюсь и пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь плотный белый дым от затухающего костра. Первое, что вижу – цепкие выпуклые глаза старика, подошедшего совсем близко и взирающего на меня снизу- вверх. За его спиной выхватываю, мазнув взглядом, двух паренёков в льняных рубахах и свободных подкатанных штанах. У одного в руках два пустых уже ведра, у другого – большой факел. Невольно сглатываю, замороженно смотря на беспокойный огонь на конце палки, и отвожу глаза, рассеянно озираясь по сторонам.

Я, оказывается, нахожусь на небольшом голом пятачке, окруженном деревянными косо-бокими хижинами. Что-то вроде деревенской площади, наверно... Все здания одноэтажные, с покатыми, чаще соломенными крышами. Лишь вдали виднеется пара вышек с установленными на них странными круглыми колоколами, в которые сейчас отчаянно звонят.

Вокруг царит паника, люди беспорядочно бегут, сталкиваясь друг с другом, таща на себе какие-то мешки, прыгая в повозки. Все кричат, хватаются за головы и плачут, прячут под грубые плащи детей, тянут за собой лошадей сквозь беспорядочную толпу.

Я словно попала на съёмки какого-то исторического фильма... Дурдом...

– Хочешь жить, ведьма? – вкрадчиво интересуется старик, вновь забирая всё моё внимание.

– А? – перевожу на него ошалелый взгляд.

– Жить хочешь, злыдня рыжая, али тебя до конца запалить? – зло щурится противный старикашка и оборачивается к паренёку с факелом, – Елейка, ай-да!

– Не- не-не! Не надо ай-да! – воплю я, дергаясь на своем несчастном столбе, – Хочу! Хочу, конечно!

– Тогда так, ведьма. Исполнишь мою волю... – цедит седобородый и останавливает властным жестом поднесшего уж было факел к хворосту парня.

Я облегченно выдыхаю, наблюдая, как паренёк опускает факел и отступает на пару шагов. Ощущение, что я участвую в каком-то розыгрыше, становится лишь сильнее. Жаль, что просто нет времени это нормально обдумать. Наверно, на это и рассчитано...

– Ты сказала, ведьма, что погибнет всякий, кто будет владеть тобой, так? И от этого сгинул наш Голова? – нараспев произносит седобородый, сдвигая на переносице кустистые брови.

– А, что? – чёрт, ну вот опять я не слушала, задумавшись.

Какой всё-таки динамичный сценарий... Полное погружение... Ещё эти крики и паника вокруг. Массовка, бесспорно, шикарная... Кто вообще мне это устроил? Ожоги на ногах самые настоящие – ноет невероятно... Это перебор уже для любого квеста... Убью...

– Слушай сюда, девка! – вдруг рывкает дед и с размаху лупит меня по плечу своим посохом.

От шока я только широко распахиваю рот и пытаюсь вытолкнуть из груди вставший комом воздух. На глаза невольно наворачиваются злые слёзы, сквозь которые я возмущенно смотрю на своего обидчика. У человека явные проблемы с пониманием границ дозволенного...

– Во-о-от, – удовлетворенно тянет старик, ничуть не смущенный тем, что только что ударил женщину, – Три луны, так? Три луны быть твоим хозяином – смерть...

Я на это ничего не отвечаю. Вообще плохо понимаю, о чем он там толкует. Ну, луна – месяц, наверно...

– Пусть же тогда тебя варравы и забирают... Ежели живой доведут, то сами от тебя и сдохнут, – злобно скалится старик, тускло сверкая из-под лохматых бровей водянистыми глазами, – Ну а насильничают прямо тут, так туда тебе и дорога... Елейка, от столба отвяжи её и ноги с руками, чтоб не поняли, что её жгли! Пушай побегаёт...

На морщинистом лице деда расцветает похабная улыбка, он плюёт себе под ноги, бросив на меня исподлобья прощальный тяжелый взгляд, и торопливо уходит, больше не оборачиваясь. Парнишка с пустыми ведрами спешит за ним. Еще мгновение и они оба растворяются в суматошной толпе, в которой все меньше обычных людей, и все больше вооружённых мужчин в жестяных доспехах.

Звуки кругом постепенно сменяют тональность. В них уже не ужас и паника, а боль и ярость. Звон битвы – металла и глухих ударов подбирается все ближе, стоит в ушах. Названный Елейка, что-то бормоча себе под нос, кидает горящий факел на пыльную землю, выхватывает кривой ножик из-за пазухи и подлетает ко мне. Я испуганно охаю, но белый как мел, продолжающий тихо бормотать парнишка режет только веревки, связывающие меня, дрожащей рукой.

– Великая Мать... Великая Мать... Да что ж ты будешь делать... Быстрей... быстрей...

– Это скоро кончится? – интересуюсь у парня звенящим от переизбытка эмоций голосом, – Эй, Елей, что у вас тут вообще? Эй!

– Варравы... – он вскидывает на меня круглые, полные ужаса глаза и тут же отворачивается, нагибаясь к ногам.

Я с наслаждением повожу затекшими плечами и тру онемевшие, покрытые ссадинами и следами от пут запястья. Звуки идущего на улицах боя уже такие отчетливые, что воображение само дорисовывает невидимую пока мне картинку, а по спине начинает струиться холодный пот, заражая слабостью всё тело.

– Варравы это кто? – интересуюсь я нервно, вглядываясь в конец ближайшей из улиц, змейками ползущих от городской площади.

Сердце обрывается и ухаёт в мои поджаренные пятки. Вдалеке я вижу настоящий бой! Если это реконструкция, то ребята однозначно заслужили Оскар. Людское месиво напоминает кишасший темный пыльный клубок отчаяния, ярости и боли. Сверкающие мечи и топоры сле-

пят бликами на солнце, свистят визгливым скрежетом в воздухе и глухо ухают, погружаясь в живую плоть. Запах пота и крови щекочет мои ноздри, забивается под кожу.

Я...Я застываю в шоке.

Я вижу смерть...Я вдруг отчетливо понимаю, что это не розыгрыш, что я наверно сошла с ума, но это...

Теперь вот это – моя реальность.

И, судя по тому, как побежали одни воины в попытке выжить, и как нагоняют их с диким гиканьем другие, огромные, раскрашенные сажей, бородатые, бесчеловечные...В этой реальности мне осталось жить считанные секунды...Твою мать...

– Твою Матерь! – взвизгивает Елейка, озвучивая мои мысли. Оборачивается и падает к моим, слава богу, развязанным уже ногам с застрявшим топориком в спине.

Я лишь мгновение заморожено смотрю, как на его грязной льняной рубахе расцветает бордовое пятно вокруг торчащего из тела топора, а потом задираю подпаленный подол и бегу. Не понимая куда, не обращая внимание на боль в обожжённых ступнях. Стопы заживут, а дырка между лопаток вряд ли... Боженька, что ж творится – то, а??? В боку отчаянно колет, в ушах болезненно звенит, но это просто факты, не способные меня остановить. Ничего меня не остановит, кроме...

– О, баба! – раздаётся радостный бас прямо за спиной, а потом кто-то резко дёргает меня за платье, и я падаю на пыльную каменистую землю.

Затылок простреливает дикой болью. Мир вспыхивает красным и меркнет. Спасительная чернота. Хоть бы дома очутиться. Пожалуйста!

2

Дурнота подкатывает раньше, чем ко мне окончательно возвращается сознание. Она колыхается внутри, набегая словно прибой. Сильнее-слабее-сильнее... В такт гулким звукам, напоминающим удары в там-там или большой барабан. Бом-бом-бом... И в затылке боль пульсирует с той же скоростью...

Я вдыхаю вроде бы свежий влажный воздух, прислушиваюсь к окружающим меня отрывистым мужским голосам и различным скрипам, бессвязно молюсь и открываю глаза. Первое мгновение шурюсь от нещадно яркого солнца, быстро озираюсь и со скорбным стоном смыкаю веки опять.

Я не матерюсь, но б...лин.

Теперь я четко чувствую всё и сразу. И вновь связанные за спиной руки, и то, что сижу я на дощатом плохо ошкуренном полу, и как лопатки упираются в какой-то твёрдый мешок. Как ноют обожжённые стопы, и что дурнота вызвана качкой, потому что я куда-то плыву на узкой большой лодке или ладье, я не очень разбираюсь... А вокруг пахнет не только свежестью воды, но и забористым мужским потом, а ещё невымытыми телами.

Я должна была очнуться дома, но мой личный ад продолжается...

Я связана, беспомощна и захвачена толпой бородатых вонючих мужиков, только что вырезавших целое поселение.

Хочется малодушно начать спрашивать "за что", заламывая руки и воя на луну. Вот только, боюсь, спрашивать не у кого, руки связаны, да и до наступления ночи ещё далеко...

Аккуратно приоткрываю глаза в попытке незаметно оглядеться. Лодка оказывается действительно огромная и длинная словно венская сосиска. С высокой мачтой посередине, свернутым за ненадобностью темным парусом и низкими бортами. Такими, что страшно подползать ближе – можно и вывалиться ненароком. А ещё вереницей из весел и гребцов по бокам ближе к носу корабля. На самом же вздернутом резном носу расположился огромный седой дядька, мерно бьющий в широкий плоский барабан, чтобы задать гребущим воинам темп. Я слатываю, невольно очаровываясь тем, как ладно и с виду легко у них выходит ворочать бесконечно длинные, тяжелые весла. Лодка будто птица летит по глади воды, размеренно махая деревянными веерами- крыльями. Мужские могучие плечи в едином порыве напрягаются, заставляя весла взмыть ввысь, а потом плавно утонуть в тёмной, играющей солнечными бликами, пенящейся воде.

Мой взгляд выхватывает небрежные перевязки на телах гребущих воинов, подмечает засохшие пятна крови на их грязной одежде. Память подсовывает картинки недавно увиденного боя, и меня пробирает дрожь...

Они мне точно не друзья...Вспоминаю слова деда, пытающегося меня поджечь, о возможном изнасиловании и вдоль позвоночника выступает липкая испарина. Чёрт...Должен же быть выход...Должен...

Я аккуратно поворачиваю голову, стараясь незаметно осмотреться дальше. И обнаруживаю рядом с собой других захваченных людей. В основном молодых женщин, но есть и парочка сильно избитых, связанных мужчин. Нас разместили в середине лодки, вокруг протыкающей синее небо мачты. Среди пленников царит угнетающая тишина. Возможно, разговоры запретили... Вижу только, как у некоторых беззвучно быстро шевелятся губы. Наверно, молятся своим Богам. Почти у всех женщин разодраны платья, видны голые грязные ноги, у кого-то вывалилась грудь, лица опухли от синяков, ссадин и слез.

Мне становится дурно. По-настоящему. К горлу подкатывает противный кислый комок, головокружительная слабость разливается по телу. Похоже, от их участи меня спасло только то, что я потеряла сознание. Но я ведь не смогу находиться «в обмороке» вечно! Не смогу...

Я пытаюсь чаще дышать, но тошнота из-за качки и охватившей паники становится всё сильнее. Жадно тяну воздух, крепко зажмурив глаза. Я пытаюсь дышать тихо. Пытаюсь, но через пару секунд чья-то тяжелая пятерня всё равно падает мне на плечо, вдавливая в палубу. Щеку щекочет несвежее влажное дыхание, а у самого уха раздаётся уже слышанный мной до этого насмешливый бас.

– Оклемалась, рыжая?

Я замираю, не находя в себе сил повернуться и взглянуть в лицо склонившемуся ко мне мужику. Мне хватает и густой вони, исходящей от него, а ещё ощущения брызнувшей мне на лицо слюны в тот момент, когда он заговорил. Дурнота берет новую, недоступную мне ранее высоту. Перед глазами плывет от усилий сдержаться и не вывернуть на палубу содержимое желудка.

– Ну что? – продолжает мужик, хохотнув, будто не замечая моих мучений. Хотя, скорее всего, ему просто всё равно.

– Приголубишь дядюшку Олафа, а, рыжуха? А то тяжелая как Йети. Чуть не издох, пока до дракара тебя ташил! Пошли под навес. Давай, пошла!

-Я не...Я...

Пытаюсь судорожно что-то придумать, но грузный Олаф уже дёргает меня за плечо вверх как тряпичную куклу. И, стоит мне встать на ноги, смачно шлепает по заду, задавая нужное ему направление.

– Давай, малышка, вон занавесь видишь? Не обижу, – ржёт мой кавалер, почесывая свой выступающий круглый живот, – Дядюшку Олафа все шлюхи любят!

– Я-я-я... – нечленораздельно мямлю, пока "дядюшка Олаф", панибратски обняв меня за плечи, тянет к произвольному навесу из парусины и шкур в хвосте лодки.

Мажу растерянным взглядом по разом отвернувшимся от меня другим пленникам, и перевожу взор на компанию воинов, отдыхающих на корме рядом с навесом, в который меня ташит Олаф. Эти смотрят прямо, оценивающе, посмеиваясь в свои бороды и пиная друг друга в бока. Смотрят так, будто на Олафе всё не закончится... Колени превращаются в желе, ноги под-

гибаются. Дикая мысль попробовать вырваться и броситься в воду в первую секунду кажется удачной. Вот только руки связаны... Ещё каких-то пара шагов, и я окажусь у навеса... Нет, это всё точно сон. Какой-то дурацкий, жестокий сон...

– А ты храбрый смотрю, Олли. С ней... Я б не рискнул...

Насмешливый низкий голос одного из воинов вибрацией отдаётся у меня в груди. Я резко поворачиваю голову к отдыхающим мужчинам, пытаюсь определить, кто из них заговорил. Взгляд тут же замирает на том, что сидит в центре, вальяжно облокотившись на бочку и поигрывая кожаной флягой в руке. Возможно потому, что этот молодой мужчина слишком сильно внешне отличается от своих светловолосых бородатых спутников. Смуглый брюнет со слегка раскосыми восточными глазами и почти без растительности на лице. А возможно потому, что эти раскосые черные глаза сейчас сверлят меня в упор словно алмазный бур мягкую породу.

– С каких это пор ты стал бояться девок, Бьорк? – хмыкает с сарказмом Олаф, но все же притормаживает перед самым навесом, убирая ручищу с моего плеча и перехватывая за локоть.

На тонких губах брюнета расцветает нехорошая улыбка. Черные глаза медленно соскальзывают с меня и устремляют свой пронизывающий взгляд на моего кавалера.

– Девки- нет, но твоя-то ведьма. Причем уже подпаленная.

И он выразительно смотрит на мои ноги и черный подол, ухмыляясь шире. Вокруг вмиг становится тихо. Даже гребцы застывают, открывая рты. Лапа Олафа моментально исчезает с моего локтя, а сам он проворно отпрыгивает на полметра, проявляя удивительную юркость для своих габаритов. Сотня ошарашенных глаз направляется только на меня. Над головой тоскливо кричит пролетающая чайка.

– Точно ведьма... – бурчит в светлую бороду рядом сидящий с ухмыляющимся брюнетом худосочный мужик, – Рыжая ж! И костёр там на площади был... Пустой... Великий Ордин... Это ж мы... Ведьму везём, братки??? Что ж делается -то, а?

– Ведьма... Ведьма... Ведьма... – зашептали испуганно со всех сторон.

– За борт её, – взвизгивает Олаф как-то совсем по-девчачьи.

На это я не могу сдержаться и окидываю его презрительным взглядом. Только что приглубить хотел, не обидеть обещал, а чуть что, так сразу за борт. Мужики...

– Да!!! За борт!!! За борт!!! За борт!!! – дружно орут остальные, оживившись.

Я закатываю глаза к небу. Да это кончится когда-нибудь, а? Я уже даже бояться не могу. Устала... За борт так за борт...

– Не надо за борт, я возьму, – лениво приподнимается с палубы брюнет, не отводя от меня своих черных внимательных глаз.

Таких внимательных, что идея с «за борт» начинает мне казаться не такой уж ужасной. Тяжелый взгляд приближающегося ко мне воина будто обещает, что у него есть варианты поин-

тересней...А у меня после угроз сгореть, утонуть и быть изнасилованной воображение уже отказывает в попытке придумать, что может ещё приключиться.

– Зачем тебе ведьма, Бьорк? – удивленно бормочет Олаф, – Она ж наверно проклята!

– Так и я тоже, – хмыкает в ответ этот самый Бьорк и дергает подбородком, приказывая, что бы шла за ним.

Сама не понимаю почему, но я, не задумываясь, подчиняюсь.

***

Миновав компанию отдыхающих воинов и пройдя на противоположную сторону кормы, где были свалены мешки с награбленным, брюнет усаживается прямо на палубу и облокачивается спиной о деревянный борт. Щурясь от яркого солнца, задирает голову вверх и с любопытством меня разглядывает. Я сцепляю в замок и без того связанные руки и туплю глаза в пол. На всякий случай...Я не знаю, кто он такой, не знаю, как у них принято женщинам обращаться к мужчинам, а пленникам к захватчикам. Ничего не знаю, кроме того, что борт, за который меня тут все минуту назад мечтали скинуть, находится прямо за спиной этого человека...

Брюнет хмыкает, видимо, сделав для себя какие-то выводы, и тянется за фляжкой, болтающейся у него на поясе.

– Как зовут? – интересуется, делая большой глоток.

Сквозь опущенные ресницы я заворуженно слежу, как дёргается его кадык. У брюнета крупная сильная шея. Он весь крупный, но не грузный как Олаф. Впрочем, он ещё молодой. Точно до тридцати. Может быть мой ровесник, может чуть старше...Длинные руки, ноги, пальцы. Высокий. Я ему по плечо наверно прихожусь...Аккуратные усы, короткая борода. Странно, тут все с такими лопатами на лице, а этот почти бритый. Не растёт? Возможно...Судя по внешности, в нём течёт азиатская кровь. Хотя не уверена, что у них тут есть Азия...

– Глухая? – в низком голосе брюнета прорывается раздражение.

– Ольга,– выпаливаю, выплывая из своих раздумий. Вечно я не вовремя ухожу в себя...

– Хельга...– удовлетворенно коверкает он.

– Ольга,– хмурясь, поправляю.

– Хельга,– чеканит с нажимом.

Я закатываю глаза и сдаюсь. Господи, да, пожалуйста. Если хочешь, буду для тебя Хельгой...

– Садись, Хельга,– благодушно предлагает брюнет, расплываясь в довольной улыбке из-за моей уступчивости и хлопая ладонью по палубе рядом с собой.

Я неуклюже пристраиваюсь, куда велели. Оказывается, присесть со связанными впереди руками и подгорелыми ступнями – то ещё удовольствие. С наслаждением вытягиваю ноющие от ожогов ноги и облакачиваюсь спиной о борт. Солнце тут же ласково печет подставленное лицо, ветерок колыхает растрепанные волосы. От соседа моего по сравнению с Олафом вообще не воняет (запах свежего пота не в счет- после всего унюханного ранее он даже приятен), и жизнь сразу как-то кажется веселей...

– Пей, – брюнет тычет мне прямо в нос свою флягу.

– Не хочу, спасибо, – вздыхаю я.

– Пей, сказал, – тут же с угрозой произносит воин.

Я недовольно кошусь на настырного соседа. Он всегда просто повторяет предложения, пока не добьётся нужного результата? Но флягу из рук всё-таки принимаю. Брюнет тут же опять довольно улыбается и достает из кармана какую-то деревянную резную трубочку. Насыпает из маленького мешочка туда сухую траву, чиркает двумя камешками, выбивая искру, и глубоко затягивается. В воздухе растекается смоляной запах, похожий на дым от кальяна. Я отворачиваюсь и делаю глоток из предложенной фляги. По горлу тут же бежит что-то невероятно крепкое, просто огненное. Из глаз брызжут слёзы, пищевод дерет, но вместе с тем и расслабляющий жар приятно расплзается по телу. С трудом проглатываю и отдаю флягу хозяину, вновь облокотившись спиной о борт...

Щурюсь, наблюдая за пролетающей птицей... От крепкого алкоголя в голове мягко и спокойно звенит. Становится почти хорошо... Чувствую на себе любопытные недобрые взгляды других воинов, но стараюсь об этом не думать. Надо прийти в себя и потихоньку соображать где я и как это исправить...

– На, ожоги смажешь, – лениво тянет мой спаситель через минут пять молчания. И кладет мне на колени маленький горшочек, закрытый плотной тканью.

– Спасибо, – бормочу я и ловлю на себе его внимательный, насквозь пронизывающий взгляд, от которого вдоль позвоночника ползут ледяные мурашки. Хочется спросить, что не так, но я не решаюсь. Вместо этого отворачиваюсь, делая вид, что не заметила.

– За что именно тебя жгли, Хельга? – вкрадчиво интересуется воин.

Склоняется ко мне ближе, обдавая щеку своим теплым дыханием. Теплым дыханием, от которого у меня мороз по коже. Я кусаю губу, пытаюсь быстро придумать ответ, после которого меня не будут снова пытаться скинуть за борт или изнасиловать... В памяти всплывают слова старика про три луны и смерть их Головы, владевшего мной. Если я сейчас расскажу, то вряд ли брюнет просто подарит мне свободу. Скорее, решит скормить рыбам, опасаясь той же участи...

– Я рыжая, – глухо сообщаю я, не смотря на него.

– И дожила такой до приличного возраста, – резонно хмыкает брюнет, а я вскидываю на него возмущенный взгляд.

Мне показалось, или кто-то сейчас обозвал меня старой???

Карие восточные глаза жадно путешествуют по моему лицу, будто способны увидеть ответы и без моих слов. На губах брюнета играет легкая улыбка, но в сочетании с цепким взглядом она выглядит угрожающе. Я молчу, поджимая губы. Боюсь себе навредить и не знаю, что ещё сказать. Брюнет вздыхает и хлопает себе по коленям, вставая.

– Я – ярл Бьорк Хотборк, – говорит он ровно, возвышаясь надо мной. Легонько пинает моё бедро носком сапога, – Теперь твой хозяин. Олафу я заплачу. Приплывем в Гатлуг мы через два дня. Так что у тебя есть время подумать, ведьма, кем ты будешь при мне. Откроешь свой дар и станешь полезной или же...

Он снова криво усмехается, и снова улыбка не доходит до его цепких черных глаз.

– ...быть тебе бесправной рабыней, делающей всю грязную работу и удовлетворяющей любого из свободных мужчин, живущих при моём дворе. Проклятий я твоих не боюсь. Спалить и сам успею. Решай. Два дня, Хельга. Два дня...

***

– Доброе утро. Как спала, Хельга? – Хотборк садится напротив меня на корточки и кладет на мои колени кусок темного хлеба с вяленным мясом. Протягивает флягу с водой, пристально следя исподлобья за выражением моего лица.

– Нормально, – бросаю севшим от долгого молчания голосом и тяну зубами мясо.

Жесткое. Как и палуба, на которой я спала, укрывшись лишь тяжелым грязным плащом, брошенным мне Хотборком вчера ночью. Наверно, он ждал благодарности за свою заботу, но у меня её нет. Слишком ломит каждую косточку для этого. Ноги не сразу слушаются, когда пытаюсь их вытянуть. Противные колющие мурашки жгут крапивой затекшие конечности, и я невольно кривлюсь, отпивая воду из фляги.

– Готова к разговору? – интересуется Бьорк, холодно улыбаясь одними губами.

– Ты вчера сказал, когда приплывем, – хрипло отвечаю, откусывая хлеб.

Он тут же перестаёт ухмыляться. Черные глаза опасно мерцают, заставляя нервничать.

– Зачем тебе ведьма? – спрашиваю его в свою очередь.

Знать бы его цели, и всё могло бы быть гораздо проще.

– А ты она? – тут же интересуется Хотборк.

Я молчу.

– Лучше бы тебе ей быть, Хельга, – с тихой угрозой произносит он, – Приплывем на рассвете. Остался день.

И резко встаёт, выхватывая из моих рук флягу.

Я снова остаюсь одна. Кроме Хотборка никто здесь ко мне даже не подходит, не то, что разговаривает. Воины подозрительно косятся и, стоит мне перехватить их тяжелые взгляды, тут же отводят глаза. Пленники вообще откровенно побаиваются, с суеверным ужасом поглядывая в мою сторону. Я же, пользуясь моментом, наблюдаю и пытаюсь понять, что происходит, и как быть дальше. И кое-какие открытия уже сделала.

Первое и самое важное: я это я. У меня такие же волосы, только гораздо длиннее, почти до пояса, такой же голос, такое же тело, на ощупь такое же лицо. Возраст тоже примерно тот же, и это не могло не радовать. Больше шансов, что всё происходящее просто мой бред, и скоро я очнусь. Может я в коме?

Правда, на левой ноге длинный белый тонкий шрам – у меня такого раньше не было, но это ведь мелочи...

Открытие второе: я знаю и говорю на разных языках. Большинство пленников в отличие от меня воинов не понимало совсем. Лишь отдельные часто используемые слова: еда, вода, смерть... На что-то большее они только открывали рты и растерянно хлопали глазами.

Яркий пример был, когда вчера вечером Хотборк подошел к пленникам, ютящимся у мачты, и спросил их, почему меня хотели сжечь. Но захваченные люди лишь стали жаться друг к другу, мотая головами и показывая, что не понимают воина. И только какой-то мужчина коряво заговорил.

– Она... Голова... смерть... – прокряхтел он, – Ведьма!

И сплюнул, кинув на меня быстрый, полный то ли ужаса, то ли злобы взгляд.

– А как он умер? – уточнил Хотборк, совсем не смутившись от такого заявления, а как-то даже наоборот... Повеселев что ли...

– Лошадь... упал.

Хотборк нахмурился.

– А она причем?

– Ведьма, – упрямо повторил мужик.

Ярл махнул на него рукой и повернулся ко мне, спрашивая с шемящей надеждой в низком голосе.

– Ты убила?

– А надо, чтобы я? – искренне поинтересовалась в ответ.

Если да, мне ведь и не сложно сказать, что я, правда?

Но Хотборк только пробормотал какое-то проклятие с досады и отстал тогда и от меня, и от мужика. А я продолжила судорожно размышлять, как избежать участи рабыни. Идей у

меня не было... Вернее была одна, но в успех её мне верилось слабо. Впрочем, выбора у меня всё равно, кажется, не было тоже...

3

Доев свой скудный завтрак, я прикрываю глаза, откидываясь головой на низкий деревянный борт. Ладью качает заметно сильнее, чем вчера, и от этого в животе неприятно разбухает, а содержимое желудка грозит подступиться к горлу. Приходится мелко дышать, чтобы подавить дурноту. На висках выступает липкая испарина, тело разбивает противной слабостью.

Никогда. Не любила. Морские. Прогулки. Никогда...

Из закоулков памяти пред внутренним взором всплывает солнечный день, проведенный в Греции в прошлом году. Как Женя, мой бывший, потащил меня на морскую рыбалку, уверяя, что это будет весело и красиво. И я смогу позагорать на яхте, сделать кучу классных селфи и поплавать в открытом море, прыгая прямо с борта. На деле же яхта оказалась хлипким рыболовецким суденышком, на котором нещадно качало. Прыгать с него нам запретили, потому что со всех бортов свисали удочки и рыболовные сети. А селфи мне делать было некогда и бессмысленно, потому что большую часть времени я провела перегнувшись через бортик и теряя свой завтрак в синей волнующейся воде, пока капитан не нашел мне таблетки от укачивания... Да-а-а... С Женей после Греции мы, кстати, расстались...

Это словно в другой жизни было, хотя я в этом странном месте всего сутки.

Будто и не со мной...

Немного придя в себя, щурясь, приоткрываю глаза и тут же закрываю обратно. Яркое солнце ещё слепит сквозь сомкнутые веки, окрашивая темноту красными пятнами, но туч на горизонте всё больше с каждой минутой. Они медленно наползают на лазурное небо тёмными клубящимися исполинами, грозя не оставить ни одного светлого кусочка. Порывы ветра становятся все сильнее и прохладней. Пронзительные жалобные крики чаек оглушают. В голосах суеящихся на борту воинов пробивается тревога. И страшное слово "шторм" произносится шепотом.

– Поднажмё-ё-ём,– зычно командует седой бородач, бьющий для гребцов в барабан, и задает более скорый темп.

Мужчины, громко выдохнув как один, налегают на весла. Их кожа начинает блестеть от пота. В воздух вплетается запах разгоряченных тел. И страх. И мне тоже страшно. Я в каком-то чертовом корыте! Это всего лишь лодка, низкая и длинная, совсем не внушающая доверия, а волны за бортом всё выше. Вода почернела, словно само море сердится на нас. Небо сереет на глазах, даже пока ещё светящееся солнце будто заволочло мутной дымкой.

Так проходит час, другой... На горизонте стеной льёт, но до нас пока не доходит. Никто почти не разговаривает – все тревожно вглядываются в почерневшую даль. Лишь усталые громкие выкрики гребцов и быстрый темп барабана разносятся в сгустившемся воздухе. И шум разбивающейся о борт темной воды, иногда переливающейся через на палубу – так высоко поднимаются пенные гребни. Я вся мокрая уже от этих волн, но встать из своего закоулка страшно. Тут веревки, и есть за что держаться... Время невыносимо медленно ползет. Я думала, буду

бояться наступления утра, потому как, стоит сойти на землю, и мне придётся объясняться с ярлом, но сейчас я мечтаю о суше как никогда.

– Ближе к берегу надо, – бросает кто-то из гребцов.

– Нет, мы мимо Хебюди, там подводные скалы и мель... – отвечает другой.

Тихий злой вздох, и вновь только удары барабана.

– На, поешь.

Бьорк появляется неожиданно, загораживая своей массивной фигурой затянутое серой хмарью солнце.

– Я не голодна... – качаю я в ответ головой, силясь разглядеть его лицо.

Приставляю козырьком ладонь ко лбу, вскидывая подбородок вверх и шурясь. Льняная рубаха Бьорка мокрая от брызг воды и пота. От мощного тела пышет жаром, во всей позе сквозит злая усталость. Я видела, что сразу после завтрака Хотборк заменил одного из гребцов, выбившегося из сил. И отошел от весел, получается, только сейчас.

– Спасибо за мазь, помогает, – добавляю вежливо, чтобы сгладить свой отказ, и киваю за заживающие ступни.

Мазь действительно творила чудеса. Никогда не видела, чтобы ожоги сходили так быстро. Если бы я верила в волшебство, я бы решила, что это оно. Хотборк даже бровью не ведет в ответ на мою благодарность, только снова тычет куском сыра мне прямо в нос.

– Ешь сейчас, – повторяет сурово.

– Да не хочу я!

– Потом поздно будет, – и опять целится едой в мой несчастный носик.

Да что он настырный такой! Я успеваю увернуться и кидаю на своего "хозяина" полный возмущения взгляд. Он на это страдальчески вздыхает и закатывает глаза, всем видом показывая, как ему со мной – дурой тяжело.

– К ночи шторм нас нагонит. Будет рвать, если позже. Итак зеленая, – цедит сквозь зубы "хозяин". И опять чертов сыр прилетает мне прямо в лицо вместе с напутствием, – Сейчас ешь, Хельга.

Я сдаюсь. Не потому, что вняла его доводам, а потому что у меня складывается стойкое впечатление, что иначе в меня этот несчастный сыр насильно затолкают, а такого унижения я не переживу. Показательно откусываю большой кусок, хмуро смотря на моментально криво заулыбавшегося Хотборка и тщательно жую. Про себя отмечаю, что сыр, хоть и твердоват, невероятно вкусный... Второй раз откусываю с уже большим энтузиазмом. В желудке довольно муркает, и это злит. Почему какой-то неотесанный средневековый дядька знает, когда я голодна лучше, чем я сама.

Хотборк в это время садится рядом, случайно или специально вжимаясь в меня влажным от пота плечом, и я с опаской кошусь на воина. Отодвинуться не решаюсь. Возможно, он не замечает даже, такой усталый и задумчивый у него вид. А вот буду ёрзать- точно заметит... Ярл трёт лицо ладонями и глухо интересуется.

– Может ты погоду заговаривать умеешь, а, Хельга? Была бы неплохо. Ульрих может. Как ближе подойдет- начнет, но он мужчина... Может, поможешь ему?

– И что, что мужчина? – не понимаю я.

Бьорк кидает на меня подозрительный взгляд.

– Значит слабее... У вас разве не так же?

– Мужчины слабее женщин? – мне становится так весело, что я издаю хрюкающий смешок. В голове проносятся образы парочки моих непутевых приятелей.

– Да-а-а, часто так же... О-о-очень часто!

– Я про колдовство, – возмущенно рыкает воин, сжав кулаки.

– Насчет этого не знаю, – примирительно пожимаю плечами, сдерживая улыбку. А то у моего собеседника уже желваки заходили...

Бьорк молчит, щурясь и препарируя пытливым взглядом моё лицо.

– Значит, не поможешь? – вкрадчиво повторяет.

– Я не умею...

– А не ты вообще наслала? – совсем тихо спрашивает, поглядывая на двух воинов, сидящих ближе всего к нам, – Нашептывают, что ты...

– Да не умею я! – я наоборот повышаю голос от возмущения, – И мне что? Жить надоело?!

Хотборк криво ухмыляется и смачно сплевывает прямо рядом с моей босой ногой... Свин.

– Ну, раз не надоело...

На этом встаёт и уходит опять на весла, оставляя мне после себя флягу с водой и новую пищу для размышлений.

***

Как и предсказывал Бьорк, шторм настиг нас на закате, несмотря на все старания гребцов убежать от надвигающейся стеной стихии. Сначала полил дождь, косой, сильный, нещадно бьющий по лицу, лупящий по телу. Я свернулась калачиком между бочек и натянула холщовое одеяло на самый нос. Мрак накрыл все вокруг как-то разом, черные волны уже каждую секунду

стали захлёстывать палубу. Лодку так сильно шатало, что передвигаться по ней, стоя, оказалось невозможным. Все крались, пытаясь хоть за что-то уцепиться и не выпасть за борт.

– В трюм живо! Давай! – воины торопливо начали отвязывать пленников, ругаясь себе под нос, и, разобравшись с путами, погнали их к небольшому люку, расположенному на корме нашего маленького корабля.

– И ты, ведьма! Давай, лезь! – какой-то дядька нетерпеливо хватает меня за локоть и тащит ко всем остальным пленникам, уже забившимся в крохотный трюм, – А то смоет же! Давай, живей, не до тебя!

Я сажусь на край люка, в растерянности смотря вниз. Прыгать мне просто некуда – люди итак набились туда как селетки. В кромешной почти тьме сверкающие молнии то и дело выхватывают вспышками хмурые злые глаза, обращенные на меня.

– Я ... Может я лучше...

Начинаю было возражать, решая остаться наверху, но варрав не даёт мне шансов и, сильно толкнув кулаком в спину, просто сбрасывает вниз.

Я падаю на какого-то скрючившегося мужика, потому что стоять в полный рост здесь невозможно – слишком низко потолок. Пленник возмущенно перекидывает меня на завизжавшую от страха девушку. Та отшатывается от меня как от прокаженной и так сильно вжимается в стену, что мне даже находится свободный пяточок...

– Простите... извините... простите... – невнятно бормочу, потирая ушибленные места и пристраиваясь на грязном полу.

Ответом мне служит сначала гнетущая тишина, а потом бессвязное бормотание всех пленников разом. Они начинают молиться. Нестройно, кто кому, но горячо и с душой. Поджимаю к себе колени, кладу на них подбородок. Стараюсь не думать о том, как сильно нас качает. Вспоминаю "Отче наш" и начинаю бормотать с ними заодно... Я не очень верю в Бога, но звук собственного голоса лучше, чем завывание ветра, шум обрушивающихся на нас волн, полные тревоги выкрики воинов и раскаты грома над самой головой. Всё, что угодно, лучше этого... Я устала бояться умереть. За последние сутки я слишком часто испытывала этот страх. И как же я устала... Мне кажется, я начинаю понимать солдат, кидающихся первыми в атаку... Так хотя бы адреналин перекроет этот липкий противный ужас, поселяющийся в душе, пока ты отсиживаешься где-нибудь в кустах, просто ждешь и на что-то надеешься...

Удары барабана, задающего темп гребцам, смолкают, и вместо них через минуту с палубы начинает доноситься какое-то очень странное монотонное пение. Невероятный звук, я ни разу не слышала ничего подобного. Высокий, вибрирующий, завораживающий, отдающийся дрожанием в груди. Все тело будто откликается, оживая, и стремится туда, ближе... Пленники вокруг как один тоже задирают головы к открытому над нашими головами люку и вслушиваются в странную песнь... И виднеющееся в проёме черное зловещее небо озаряется зеленоватым свечением....

Стоп, что? Свечение???

От неожиданности я подскакиваю и с размаху ударяюсь головой о потолок. Со стоном оседаю обратно на пол.

– Это что? – хриплю ошарашенно, потирая набухающую на макушке шишку и указывая пальцем на зеленую светящуюся дымку, висящую в воздухе и становящуюся всё плотнее с каждой секундой.

Пленники разом поворачивают головы ко мне и единодушно смотрят как на дуру. Меня вообще немного пугает синхронность их реакций...

– Колдовство, ведьма, что ж ещё, – цедит сквозь зубы один из мужчин, смотря на меня исподлобья, – Вместо того чтобы дуру из себя строить, помогла бы лучше ведьмаку ихнему. А то как Голову губить, так ума хватило, а как нас из лап разгневанного Морей вытащить, так хрен тебе...

– Из лап кого, простите? – уточняю, приподнимаясь.

Колдовство? Он сказал колдовство??? То есть... Это оно вот прямо настоящее? Не как у нас в "Битве экстрасенсов"??? О-чу-мель...

– Морей – бог пучины. Совсем что ли дикая? – летит мне презрительное в спину.

– А-а- а, ясно. Ты поаккуратней... – рассеянно тяну я.

– ...С ведьмой- то разговаривай... – и замолкаю в шоке, выглянув из трюма.

Потому что в этот момент перед глазами моими предстаёт что-то невероятное. Седой толстый воин, ранее отбивающий ритм на барабанах для гребцов, сейчас поёт свою странную песню, привязанный за пояс к мачте. Его глаза закрыты, на лице застыло отрешенное выражение. А из рук, возведенных к небу, льются зеленые невероятно яркие светящиеся нити и постепенно рассеиваются в пространстве мягким неоновым свечением.

У меня отпадает челюсть.

Нет, я точно сплю...

Я настолько шокирована увиденным, что даже стихающие только около нас ветер и волны не производят на меня уже никакого впечатления. Дождь, ставшим без ветра прямым, хлестко бьёт меня прямо по шишке на макушке, заливается в глаза и нос. Гребцы из последних сил быстро ворочают веслами, хриплыми криками подбадривая себя. А я всё стою и стою, высунувшись из люка и наблюдая за настоящим, твою мать, волшебством, творящимся прямо на моих глазах.

4

Буря ослабевает лишь к рассвету. Первые солнечные лучи вдруг прорываются сквозь окружающий нас плотной стеной мрак и рассеивают безысходную пугающую темноту. Ветер затихает, уже не разбивая волны с такой мощью о невидимую преграду вокруг корабля, созданную изможденным к этому времени Ульрихом. Дождь перестаёт так остервенело лупить по палубе, сменив грохот падающих капель на мерный монотонный шум, становящийся всё тише с каждой минутой.

В какой-то момент колдующий ведьмак резко опускает руки и безвольно повисает на веревке, привязывающей его к мачте. Невидимая защитная стена вокруг нас рушится в тот же миг. Порыв ледяного ветра бросает волосы мне в лицо, ладью начинает мотать от добравшихся до нас волн. Но сильная стихия уже позади, и даже мне, ничего не смыслящей в мореплавании, понятно, что смертельной опасности эта качка для нас не представляет.

Я, потирая сухие от усталости и бессонной ночи глаза, наблюдаю, как воины торопливо отвязывают бесчувственного Ульриха и укутывают в шкуры. Аккуратно укладывают под символизированный навес. Один из варравов резко поднимает голову, бросая в мою сторону тяжелый взгляд, и мне приходится быстро скрыться в трюме, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание.

Последнее, что я успела заметить, была почему-то фигура гребущего позади посмотревшего на меня воина Хотборка. Его хмурое лицо с заострившимися от усталости чертами, разворот мерно напрягающихся при поднятии весла плеч, насквозь мокрая то ли от дождя, то ли от пота рубаха, облепившая жилистое тело... Я сворачиваюсь калачиком в пыльном углу трюма, закрываю глаза, уронив лоб на согнутые колени, а картинка гребущего Хотборка всё не желает исчезать из моей головы. Не знаю где я, но здесь есть настоящее волшебство – последняя связная мысль, промелькнувшая в мозгу перед тем, как я наконец проваливаюсь в тяжелый вязкий сон, кажущийся освобождением.

***

– Живо, наверх! Давайте! По одному! Ну!

Резкие окрики прорываются в окутанное дремотой сознание, слишком грубо возвращая меня в реальность. Подскакиваю, испуганно озираясь по сторонам, и в первое мгновение судорожно пытаюсь понять, где я вообще нахожусь. Нос режет от стоящей вокруг затхлой сырости и уже почти привычного густого запаха чужого застарелого пота. На языке кислит из-за ароматов немых соседей по трюму. И шорох соломы недалеко от меня явственно намекает, что здесь водятся крысы...

Я брезгливо поджимаю под себя босые ступни, выглядывающие из-под подпаленной юбки. Господи, да что ж так не везет-то, а... Прикрываю глаза, беззвучно простонав...

– И ты, ведьма! – гаркает варрав над самой головой, заставляя меня неуклюже подняться, кривясь от побежавших жалящих мурашек по затекшим ногам.

Пригнувшись, ковыляю к открытому люку и, проигнорировав протянутую мне руку воина, я, подтянувшись, совсем не элегантно выползаю на палубу, напоминая самой себе распластавшегося по полу только что выловленного осьминога. Видимо, не только себе, потому как варрав, предлагавший мне помощь, посмеиваясь, отходит и оставляет меня, побряхтывающую и жмурающуюся от утреннего солнца, саму собирать себя в кучу после столь неудобной позы во сне.

На корабле творится настоящий бедлам. Шумно, суматошно и чувствуется, что радостно. Вокруг бодрые мужские голоса, ещё вчера, во время шторма, срывающиеся от тревоги. Низкий раскатистый смех. Снующие воины туда- сюда, таскающие сундуки, шкуры и бочки. И не только они... Проморгавшись и привыкнув к яркому солнцу, я понимаю, что мы причалили уже к длинному деревянному пирсу, ведущему к скалистому берегу, и ладья полна не только воинов, с которыми мы вместе плыли, но и молодых, не виденных мною раньше парней, помогающих выгружать добычу. Все пленники, мои ночные так себе пахнущие товарищи по трюму, были уже согнаны в кучу около узкого накинутаго на борт деревянного трапа. Я вижу, как они спокойненько стоят и терпеливо ждут, пока два весело переговаривающихся между собой воина свяжут их в одну цепочку.

Я застываю в нерешительности, глядя на эту картину.

Мне тоже...туда?

Оглядываюсь по сторонам, но Хотборка, моего непосредственного "хозяина", нигде не видно. Остальные же воины мало обращают на меня внимание. Кто-то пару раз даже небрежно толкает, проходя мимо и таща очередной сундук. Уже связанных тем временем пленников гуськом заводят на трап.

Так...а я?

Кое-как поднимаюсь на своих затекших и никак не желающих отходить ногах и торопливо ковыляю за ними.

– Простите...эй...Конвоиры...Или кто вы там? Эй!!!

Не могу сказать, что я сильно привязалась к этим ароматным ребятам, но хоть какие-то знакомые, правда? И вроде как земляки... В моём положении это не так уж и мало...

– Стойте! – догоняю наконец процессию из плененных собратьев и требовательно дергаю одного из сопровождающих воинов за рукав.

– А я?

Мощный варрав медленно поворачивает ко мне голову, всем своим видом показывая, насколько он удивлен моей смелостью.

– Что ты? Ты –ярла, ведьма, – басит в свою белобрысую бороду недовольно.

-Хорошо, а ярл сам где?

Воин хмыкает, смотря на меня сверху вниз и кивает на причал.

– С невестой своей, где ж ему ещё быть после похода, – варрав похабно ржет, поглаживая усы.

Я перевожу взгляд с него на дощатый настил и непроизвольно хмурюсь, разглядев своего «хозяина», целующего в шею какую-то блондинку с косой до пояса, бритым левым виском, украшенным витиеватой татуировкой, боевым раскрасом, которому позавидовал бы и Чингачук, и с приличным таким, совсем не женским топором на поясе.

Так...

А это что? Моя теперь «хозяйка»???

Бьорк, словно почувствовав мой взгляд, резко вскидывает голову, переставая облизывать подставленную женскую шею, и быстро выискивает глазами меня в толпе. Щурится то ли от солнца, то ли от необходимости что-то со мной делать и небрежным жестом подзывает к себе. Настолько небрежным, что первая моя мысль – притвориться дурой и сделать вид, что не поняла. Но потом в памяти всплывают события последних пары суток, и я решаю, что я точно не в том положении, чтобы демонстрировать гордость и характер. По крайней мере пока... Надо хотя бы понять сначала, где я, что со мной, и как, черт побери, это исправить, а потом уже ерепениться... Ну, или вообще... Теперь уже никогда...

Тяжко вздохнув и чувствуя себя как минимум рабыней Изаурой, я покорно бреду к хмуро вззирающему на меня "хозяину" и его настороженно оглядывающей меня подружке. Учтиво торможу в паре шагов, раздумывая, надо ли кланяться. Решаю, что обойдутся, и просто сцепляю ладони опущенных рук перед собой в знак покорности. Поднимаю ясный, незамутненный разумом взгляд на бесстрастное лицо Хотборка и замираю, делая вид, что не замечаю, как его разукрашенная под спецназовца невеста прожигает меня недобрыми голубыми глазами. Повисает тягостное молчание.

– Бьорк, ты уверен, что она тебе нужна? – с сомнением цедит дама с топором, разглядывая меня словно диковинное животное.

– Пока нет, – ярл равнодушно пожимает плечами, а потом добавляет задумчиво, – но Вейла сказала, что в походе я найду свою судьбу. Возможно...

– Возможно, ты нашел что-то не то или просто ослеп. Это всего лишь гадкая печерка, годная только в рабыни. Сам сказал, что она не смогла даже Ульриху помочь, а ветер усмирять может любая ведьма, – обрывает его блондинка раздраженно и показательно отворачивается от меня, будто я недостойна того, чтобы дольше обращать на меня внимание.

Меня так и подмывает поинтересоваться, почему она так завелась, уж не ревность ли это, но я вовремя прикусываю язык, скользнув взглядом по сверкающему топорiku у неё на бедре. Вместо этого быстро перевожу взгляд на ярла, проверяя, какой эффект произвели на него её слова. Хотборк, обнимая одной рукой за талию свою фурию-невесту, продолжает смотреть на меня с той же ленивой задумчивостью.

– Может не смогла, может не умеет, а может просто не захотела, – парирует Бьорк, скользя по мне своими черными глазами.

– Так что может ты и права, Кира, а может и нет... – медленно добавляет он, почесывая свою короткую бородку, – Хочу послушать рыжую сначала, потом отвести её к Вейле. Посмотрим...

-Вейла ушла в горы к духам, – совсем другим тихим и обеспокоенным голосом произносит Кира, рассеянно глядя ярла по рубахе.

– Давно? – Хотборк хмурится, метает в меня последний цепкий взгляд и отворачивается, переводя всё внимание на женщину, прижимающуюся к нему.

– Нет, два дня как, но никто не знает, когда вернётся, – она говорит и одновременно гладит его плечи, а мне вдруг нестерпимо хочется отвернуться.

Хотя бы отвести глаза. Что я и делаю. Опускаю взгляд себе под ноги, внимательно разглядывая дощатый настил, потом перевожу рассеянный взор на берег. Ну долго мне ещё рядом стоять, пока они обнимаются, интересно? Хотборк и эта Кира начинают переговариваться тише, о чем-то своём. Голоса садятся, приобретая интимную хрипотцу, и у меня вспыхивают щеки. Надеюсь, у них тут есть понятие стыда... Ну вот кто его знает, сейчас начнут... прямо здесь. А мне куда деваться? Усилим воли сосредотачиваюсь на раскинувшейся передо мной суше и с интересом начинаю разглядывать место, куда меня привезли.

Не знаю, материк это или остров, но небольшую долину, на которой расположилось поселение варравов, с трех сторон окружают неприступные черные скалы, уходящие под облака, испещренные внизу рукотворными террасами для земледелия и более светлыми змейками троп, созданных человеком. Сама же деревня просто огромная, раскинувшаяся вдоль всего побережья, и наверно здесь считается большим городом. Дома каменные, по большей части одноэтажные, длинные с маленькими тусклыми прорезями окон. Крыши дощатые прямые со спускающимися вниз деревянными желобами. Ближе к берегу строения плотно прилегают друг к другу, но дальше вверх по холмам видны большие одиноко стоящие дома, окруженные частыми заборами, вспаханной землей и загонами с серыми жмущимися друг к другу овцами. Полотно почерневших крыш немного в отдалении от берега разрывает одна высокая башня посередине, украшенная на конце огромным отлитым из металла, напоминающего по виду бронзу, топором. Интересно, это их церковь?

– Кира!

Зычный окрик подходящего к нам грузного седого воина заставляет встрепенуться не только обнимающуюся рядом парочку, но и меня. Высокий, статный, но с большим круглым животом, подпоясанным веревкой, с невероятно длинной, заплетенной в причудливую косу белой бородой и абсолютно лысый, мужчина останавливается подле меня, раздраженно сверкая глазами из-под нависающих серебристых бровей.

– Добра тебе, Ангус, – тянет Бьорк как-то совсем недобро и медленно убирает руку с талии блондинки.

– Желанной добычи, ярл, – буркает в усы седой и переводит прибывающий к земле взгляд на Киру.

– Не позорь меня, девка... – глухо шипит, подаваясь к ней всем своим грузным корпусом.

– У нас обряд через три луны! О каком позоре ты заикаешься, дядя! – моментально вспыхивает Кира, машинально хватаясь на блестящий топорик на своём поясе.

– Пока не получите слово конунга, не будет тебе обряда, а в свете последних дел... Кто возьмёт тебя, после того, как Хотборк лапал тебя на глазах у всех? – он замолкает, зажевав белый ус, и бросает на Бьорка тяжелый взгляд.

Мой «хозяин» криво усмехается и показательно отступает от блондинки ещё на шаг. Поднимает руки вверх, будто и не думал её трогать. Кира издаёт протяжный раздраженный стон.

– Ангус Белый прав, Кира, иди, – Хотборк кивает невесте в направлении берега, отправляя от себя.

Старик, больше ничего не сказав, резко разворачивается на пятках и грузными быстрыми шагами направляется к берегу. Блондинка обиженно поджимает губы и плетется за ним. Хотборк смотрит им вслед с нечитаемым выражением на лице, а потом, словно опомнившись, оборачивается ко мне.

– Что стоишь, пошли ведьма, поговорить надобно.

Я покорно бреду следом за ярлом, украдкой разглядывая то его высокую фигуру, то место, в которое я попала. Попала... Я чувствую себя Алисой в стране чудес и не могу избавиться от ощущения, что вот сейчас дорогу мне перегородит безумный шляпник. Разве так бывает на самом деле? Что ты попадаешь в самый настоящий другой мир, лишь закрыв глаза. Может я умерла, и это чистилище? В книгах попаданки часто умирают...

– Посторонись! – какой-то дед с доверху нагруженной тачкой проезжается колесом по моей ноге, и я, взвизгнув от боли, резко выплываю из своих размышлений.

– Поаккуратней, Хельга, – хмыкает, не оборачиваясь, Бьорк, шагающий передо мной, – в Унсгарде лучше не зевать.

Я мямлю "спасибо, что предупредил", для себя запомнив, как называется поселение. Вокруг действительно шумно и людно. Сойдя с пирса, на котором Хотборк то и дело и останавливался, чтобы поприветствовать кого-то и крепко обняться, мы сворачиваем на широкую пыльную улицу, идущую вдоль берега, заставленного лодками. Людской гомон переплетается с криками чаек и шумом прибоя в одну нескончаемую какофонию. Запахи рыбы, потных тел и линялой одежды соприкасаются с чистым морским воздухом, рождая неповторимый густой аромат рыбацкой деревни. Мои босые ноги утопают в пыльном месиве дороги, в глазах рябит от непривычных одежд: мешкообразные льняные платья до пола всевозможных оттенков на женщинах, меховые накидки, хоть на улице и тепло, разнообразные передники. На мужчинах штаны и подпоясанные туники более сдержанных цветов. На многих – кожаные куртки простого кроя, не застегивающиеся на животе. И на всех – огромное количество разнообразных татуировок. На лицах, шеях, руках. У некоторых, казалось, так вообще чистого места на теле не было, и страшно было представить, что же там творится под одеждой. Невольно перевожу любопытный взгляд на ярла, бодро шагающего передо мной. У него я видела только одну татуировку – змею на правом боку, уползающую под пояс льняных штанов. По сравнению с осталь-

ными варравами, это до неприличия мало. Интересно, почему? Боли боится? Или их тут за какие-то заслуги делают? Мой "хозяин" не заслужил?

– Сюда, – ярл сворачивает на узкую улочку, круто уходящую вверх по склону.

Размышлять мне становится некогда, потому что подниматься в гору, да еще босой с едва зажившими ступнями реально тяжело. Ко всему прочему Хотборк и не думает сбавлять шаг. Кажется, у него даже дыхание не меняется в отличие от меня, засопевшей как паровоз. Ещё один поворот, и мы неожиданно выходим на широкую шумную площадь, по периметру заставленную лавками торговцев, а в центре разорванную той самой башней с топором на верхушке. Под самой крышей башни расположена звонница, только вместо привычных мне колоколов здесь используют полые темные от времени трубки разного диаметра. За башней стоит большой единственный двухэтажный здесь дом, огибающий почти половину площади. Хотборк все тем же бодрым шагом, от которого у меня уже нещадно колет в боку, направляется именно к нему. Без стука широко распахивает дверь, из чего я заключаю, что дом – его. И исчезает в черном дверном проеме, словно в пасти диковинного животного. Мне ничего не остаётся, как нырнуть за ним.

Поначалу после яркого уличного солнца я с трудом могу разглядеть, где очутилась. Пахнет сеном, деревом, спёртым воздухом и костром... Моргаю, привыкая и с интересом озираясь по сторонам. Помещение оказывается огромным. Тем более по местным меркам. Большая темная вытянутая зала с бесконечными грубо сколоченными столами вдоль стен и приставленными к ним лавками. В конце залы невысокий пьедестал с широким деревянным креслом, заваленным шкурами. Освещения нет, лишь солнечные лучи, с трудом пробивающиеся сквозь мутные узкие окошки и рисующие пыльные линии в воздухе, да красные отблески затопленного в другом конце залы огромного с человеческий рост очага. Фигура ярла, присевшего у огня, на фоне яркого танцующего пламени кажется абсолютно черной и необъемной. Словно вырезанной деталью в театре теней.

– Садись, Хельга, – он подзывает меня к себе нетерпеливым жестом, взмахнув рукой.

– Борга, не пускай пока никого, – совсем другим тоном кидает появившейся было в проеме двери, ведущей дальше в дом, полноватой женщине. Та, кивнув, тут же исчезает.

У меня начинают подрагивать колени. Так сильно, что я еле иду к Хотборку. С каждым шагом будто все сильнее вязну в дощатом полу. Когда все-таки преодолеваю расстояние между нами, ноги окончательно подкашиваются, и я плюхаюсь на скамейку напротив и замороженно смотрю, как отблески огня лижут смуглое лицо ярла. Как вспыхивают темными искрами его черные внимательные глаза. Мне сложно поверить, что от этого малопонятного мне человека сейчас зависит моя судьба. По спине ползет противный липкий холод, ладони потеют. Я перевожу взгляд на танцующий в очаге огонь, натягиваясь как струна.

– Что ж ты молчишь, Хельга? – хриловатый низкий голос Хотборка царапает нервы, – Вон уже и Борга ждет, чтобы забрать тебя. Вечно ей рук не хватает. Хочешь, вставай да сразу к ней иди. Только не знаю, долго ли продержишься. Уже к вечеру весь Унсгард загудит, что ты ведьма...

Ярл криво улыбается, беря в руки кованый прут, и шевелит поленья, разбрызгивая во все стороны шипящие искры. И я невольно вспоминаю, что пятки мои шипели почти так же.

Поджимаю босые ступни, облизываю вмиг пересохшие губы и с трудом выталкиваю из себя заготовленные слова.

– Я умею видеть будущее, ярл, – судорожно вдыхаю, набирая воздуха, чтобы продолжить.

Я долго думала, пока мы плыли, и пришла к выводу, что в их темные времена провидицы должны быть в цене, а проверить, правда ли я местная Ванга, Бьорку будет сложнее всего. Это же не фокусы с зеленоватым свечением из ладоней, как у Ульриха.

– Но я не ведьма. Не такая, как ваш ведьмак, заговаривающий ветер, – уточняю дрожащим от волнения голосом, – Так я не умею, прости.

На секунду жмурюсь и осторожно поднимаю глаза на молчащего Хотборка в ожидании его реакции. Господи, хоть бы ярлу этого было достаточно.

– Что ж, – медленно тянет ярл, шурясь, – Честно говоря, в первый раз слышу, чтобы Вейла могла только приподнимать завесу грядущего, не умея ничего больше...

– Вейла? – тупо переспрашиваю я. Он ведь со своей невестой о какой-то Вейле говорил. Я подумала, что это имя.

– Да, дочь богини Серого мира, ткущей нашу реальность. Суровая мать, Вель, делится со своими дочерьми ниточками знаний из полотна вечности. Они часть неё, и поэтому каждая, способная прикоснуться к ниткам Вель, Вейла, – он поджимает губы и подается ко мне ближе, скидывая брови и упор смотря в глаза, – Так ты Вейла, Хельга?

Горло сковывает спазмом. Хотборк смотрит так ласково, будто говорит: " Не бойся сказать мне правду. Не бойся. За правду я тебе ничего не сделаю. За ложь сделаю. И гораздо больше, чем ты можешь представить..."

Но он сделает. Сделает и за правду, поэтому мне придется стоять на своём до конца. По крайней мере я смогу выиграть время и может быть бежать. Только вот куда... Чёрт.

– У нас это так не называлось... – вслух бормочу непослушными губами, стараясь твердо выдерживать препарирующий взгляд чёрных глаз.

– А как называлось? – вкрадчиво спрашивает Хотборк.

Я сглатываю.

– Убогая, ведьма... Много как... Вейлы не было...

Он хмыкает, досадливо трёт переносицу, прикрыв глаза, и наконец отворачивая лицо к огню. Облегченно выдыхаю. Когда ярл не сверлит меня своими душевыворачивающими глазами – врать гораздо легче.

– А почему обвинили в смерти Головы? – интересуется Хотборк.

– Я её предсказала, – пожимаю плечами, – А сородичи решили, что прокляла.

– А они разве не знали про твой дар? – Хотборк косится с явным сомнением.

– Я-я... – боже, как это сложно- придумывать, когда так мало вводных, – Я всегда предсказывала какие-то несчастья. Так получалось. Мор там, голод...

Облизываю губы и вдохновенно продолжаю.

– А они винили меня, будто это именно я постоянно кликаю беду. Голова стал последней каплей.

Повисает пауза, а потом Бьорк медленно кивает, не смотря на меня. В груди становится легко-легко от пузырьками схлопывающейся радости. Кажется, поверил!

– А мне что предскажешь? – ярл криво улыбается, задумчиво смотря на огонь, – Я бы многое отдал за то, чтобы увидеть нить своего пути. Тем более сейчас...

В его голосе мне чудится тоскливая обреченность, ознобом прокатившаяся вдоль позвоночника. Ежусь и аккуратно отвечаю.

– Богиня Вель, как ты говоришь, посылает мне видения. Я не могу их выбрать, ярл. Только рассказать...

– И часто у тебя видения? – голос варрава моментально звякает раздражением. И мне становится страшно, что сейчас он решит, что пользы от меня никакой...

– Не очень, – глухо отвечаю, смотря на свои сложенные на коленях руки.

Ярл хлопает себя по бёдрам и резко встаёт. Я поднимаю голову, чтобы проследить за ним и с тихим испуганным вскриком замираю, потому что Хотборк вдруг перехватывает пальцами мой подбородок, жестко фиксируя, и наклоняется так близко, что его черные гипнотические глаза начинают двоиться, а горячее дыхание, наполненное нотками кедра, обжигает моё лицо.

– Как удобно, да, Хель? – низкий голос полон угрозы, от которой меня буквально парализует, – И ведь не проверишь твои бредни... Поиграть решила, печорка? Зря. Я – проклятый ярл, меня боится сам конунг. И не зря боится, Хель, не зря... И тебе бы стоило...

Он отпускает мою челюсть, оттолкнув от себя так, что я чуть не делаю сальто с лавки. Черные глаза мерцают опасным огнем.

– Что ж, скоро старая Вейла придет. От нее тебе не утаить правду, печорка. А пока... Будешь жить в работном доме, отдам тебя Борге. За жизнь не переживай- не тронут. За честь...

Он окидывает мою фигуру оценивающим снисходительным взглядом.

– Постарайся не улыбаться на пиру сегодняшний раз. Авось и пронесет... Зубы у тебя хорошие, все на месте.

– Пошли, – грузная женщина лет сорока на вид подходит ко мне, нетерпеливо вытирая руки о мокрый передник, – Ну, что? Вставай! Пир на носу, работы невпроворот, а она расслаживается!

Я провожаю тоскливым взглядом исчезающую в дверном проёме высокую фигуру ярла и покорно поднимаюсь с деревянной лавки. Я не знаю, что именно сказал Борге Хотборк обо мне, когда шептался с ней сейчас, чуть отойдя в сторонку, но то, что служанка меня и не думает бояться, как воины на ладье, было очевидно.

Больше ничего не добавив, женщина, несмотря на свои внушительные габариты, стремительно шагает к дальней неприметной двери в конце зала, из которой и появилась пару минут назад. Мне приходится чуть ли не бежать, чтобы поспеть за ней.

– Я – Борга Магнусен, – домоправительница ярла Хотборка, – сообщает мне женщина, не потрудившись обернуться, – А значит после хозяина главное лицо для тебя, печорка. Это ясно?

Тут она резко тормозит и распахивает передо мной дверь. Её почти прозрачные слегка на выкате глаза впиваются в меня подобно гарпунам, толстые губы поджимаются в злую линию. Я неуверенно киваю, показывая, что мне ясно. Она, удовлетворенно хмыкнув, отворачивается.

– Будешь расторопной и тихой- поймешь, как повезло тебе попасть в столь изобильный дом, дикая. Но не дай боги, тебе меня злить... – и мне чудятся в голосе домоправительницы злорадные нотки, – Высеку, поняла?

И снова чуть притормаживает, но уже не оборачиваясь. Поэтому мне приходится подать голос и выдать из себя "ага".

Мы ступаем в темный узкий коридорчик, минуем ещё одну дверь, и меня тут же сбивает с ног стоящие здесь галдеж, жара, пар и миллион смешавшихся между собой запахов. Кухня. Большая и темная, забитая людьми под завязку, с несколькими очагами вдоль стены, с большим столом посередине, растянутым на всё помещение, заваленным горой разных продуктов.

– Уна, тебе привела, забирай! – Борга толкает меня в спину к какой-то старушке в углу, ошипывающей гуся, – Помощница...

Я неловко переступаю с ноги на ногу, с легким ужасом взирая на наполовину лысый труп птицы в руках кухарки. Э-э-э... Я так-то городская...

-Ох, давно пора, – всплескивает красными воспалёнными руками старуха и пихает мне несчастного гуся прямо в грудь.

К горлу подкатывает вязкая дурнота. В нос лезет запах сырой птичьей кожи и перьев. Хочется отпрыгнуть подальше, но в реальности ничего не остаётся, как только принять наполовину ошипанную дохлую тушу.

– Садись, – Уна встаёт со своей низкой табуреточки, – А я пока потрошками займусь.

При упоминании потрошков я как-то разом веселею. В конце концов, перышки выдирать- не самое страшное. И опускаюсь на табурет.

– Сегодня тут поможешь, печорка, – деловитым тоном вещает над моей головой Борга, пока я кручу в руках гуся, не зная, с какой стороны к нему подступиться. Аккуратно дергаю перышко и зачарованно рассматриваю его, – А вообще поставлю тебя дом мести да мыть. Как раз Бри, этим ведущая, второго дня померла.

Я вздрагиваю от излишне будничного тона домоправительницы, так не вяжущегося со смыслом её слов, и кошусь на продолжающую быстро вводить меня в курс дела женщину.

– Вот и настил её в женской займешь, – Борга энергично потирает руки, видимо, довольная, что не надо думать, куда меня отправлять спать, – Вечером покажу твоё место. Сейчас все равно рано тебе отдыхать. И Уну слушайся, печорка, Помни...

Толстый палец Борги назидательно взлетает вверх.

– Розги у меня всегда наготове, девочка...

Я сглатываю, киваю и утыкаюсь взглядом в несчастного гуся на моих коленях. Борга, больше не обращая на меня внимание, начинает зычно раздавать указания, поторапливая итак суетящихся как муравьи красных от духоты, замученных служанок. В носу стоит запах вареного мяса, лука, чадящих очагов и кисловатых потных тел.

С неожиданно накатившей злостью вырываю клочок пуха из гуся. Руки дрожат от сдерживаемых эмоций. И вот это теперь моя жизнь? Вот это? Это долбаный ярл называет "я пока о тебе позабочусь"? Я грязная, вонючая, босая, лохматая, вся чешусь и сижу посреди каких-то варваров на огромной кухне своего "хозяина" с трупом птицы в руках. Если бы Хотборк спросил у меня про свою судьбу сейчас, я бы с удовольствием рассказала ему что-нибудь про медленную унижительную смерть.

5

К тому моменту, как огромная зала в доме ярла начинает забиваться шумной толпой воинов, я уже валюсь с ног от усталости. Кажется, за всю мою прошедшую жизнь меня так часто не называли неумехой и бесполезной, как за последние пять часов. Готовка никогда не являлась моей сильной стороной – шарлотку я искренне считала своим фирменным блюдом. Поэтому, когда Уна сначала попыталась меня заставить правильно разделать того самого несчастного кое-как ошипанного гуся, а потом, ругнувшись под нос и выразительно махнув рукой, отправила лепить какие-то их мудреные маленькие пирожки, ничего путного из этого не вышло.

Кончила я свои горестные метания по кухне напротив целой горы лука, который было необходимо почистить и мелко нарезать. Жмурясь от жгучих слёз и возмущенно шмыгая носом, я, воюя с очередной луковицей, сначала с завидной фантазией проклинала чертового Хотборка. Но постепенно поняла, что возможность беспрепятственно реветь в течение нескольких часов, не вызывая раздражения и подозрений у окружающих, оказалась очень кстати. Накопившийся стресс, тисками сдавливающий грудь, мешающий нормально дышать, отступал под градом луковых крупных слёз. На душе становилось всё более пустынно и легко, и я судорожно сладко всхлипывала, ощущая наконец хоть какое-то успокоение. Мир вокруг заиграл новыми красками, став ярче от пролитой солёной влаги словно пожухлый июльский луг после грозового ливня. Служанки, суемящиеся рядом со мной на кухне, вдруг показались не такими уж поголовно злыми и неприятными. А их нескончаемая болтовня между собой во время кипящей работы стала вызывать жгучее любопытство. Я начала внимательно прислушиваться к каждому произнесенному слову, особенно жадно ловя имя своего "хозяина" Хотборка...

***

– Ох, и закатил пир молодой ярл, и зачем только созвал столько народу? – бурчит сухоньякая женщина неопределенного возраста с морщинистым словно речной берег лицом.

– Ты, Риза, делай, а не языком мели, – Борга смеряет её тяжелым взглядом исподлобья, пробуя из половника густую грибную похлебку, – Не нам решать, кого новому ярлу звать – кого нет.

– Да я-то что? – всплескивает в ответ белыми от муки, тонкими руками Риза, – Я ничего, пусть... Да как бы богов не прогневил. И двух лун не прошло, как он один из Хотборков остался. Должен же ещё весь в чёрном ходить как ворон, а он что? Пир...

– Да, – кивает рядом с ней молодая симпатичная блондинка, ловко шинкующая капусту, – И главное для кого? Было б для кого! А то, Хольмы! Тьфу, уби...

Последнее слово девчонки тонет в резком звуке удара кулаком по столу. Борга гневно сопит, сверкая водянистыми глазами и медленно поднимает на вздрогнувшую и тут же притихшую блондинку свой толстый указательный палец.

– Думай, что говоришь, Агнес, – быстро оглядывается по сторонам и шипит тише, – Думай! Вот как женится наш ярл на Кире Хольм, что тогда будешь делать со своими словами, а? Что?

Блондинка обиженно поджимает губы и утыкается взглядом в разделочный стол.

– Ангус Белый сказал, что не даст согласия, тетя Борга, не женится он на ней, нет...

– Это кому же старый лис сказал такое? – фыркает домоправительница насмешливо.

– Яре...

Женщины вокруг начинают посмеиваться, а Уна рядом со мной и вовсе, хлопнув себя по коленям, весело выдает.

– Так он ещё Яре сказал, что и с собой заберет, чтоб сосала получше.

Хохот на кухне взрывается с новой силой. Агнес мучительно краснеет, хмуря светлые брови, нервно ведет плечом, ни на кого не смотря.

– Не женится он на ней...Все равно...Она не для него, нет...– бормочет девушка едва слышно.

– А кто ж для него? Ты, да? – Борга вытирает тыльной стороной ладони пот со лба, и начинает чистить морковь.

Агнес не отвечает, лишь ещё сильнее склонив голову. Так, что белые волосы, выбившиеся из толстой косы, падают ей на лоб, закрывая от остального мира.

– Ох, девочка. Это он пока байстрюком непризнанным ходил, был тебе ровня, и то... А уж теперь...Забудь, дура. Поедет наш Бьорк на тинг и выторгует себе дочку покойного Хольма у конунга по праву победителя да по её согласию. И дядька её ничего уж с этим не сделает. И быть Кире твоей госпожой, Агнес...А нрав у неё у-у-ух...Берегись! Услышит раз, что ты тут бормочешь, косу своим топориком отрубит. Второй- и голова полетит...Да...

Все как-то разом замолкают, задумавшись, и на кухне становится слышно лишь как шкварчит сало на сковородках, потрескивает огонь в очагах да споро опускаются ножи на разделочные доски. Я тоже притихаю, хмурясь и пожевывая губу. Так значит Хотборк у нас лишь недавно признанный бастард. И признанный, похоже, после смерти всех остальных... Интересно...А Хольмы...

– Хельга! – вдруг раздаётся на всю кухню.

Я, пытаясь нащупать утерянную от неожиданного резкого звука мысль, не сразу понимаю, что зычный окрик Борги адресован именно мне. Поэтому реагирую, только когда домоправительница решает к имени приложить мне еще и лёгкий подзатыльник.

–Что расселась? Глуховата стала? Вставай давай, пойдете с Агнес пиво мужикам носить. А то там Кэт с Ингрид не справляются. Ну, пошла!

Обхватив двумя руками тяжелый глиняный кувшин, наполненный пенным густым пивом, я понуро плетусь за Агнес по узкому коридорчику, ведущему в большую залу. Глаза

закрываются от усталости, спину после долгого сидения на низеньком табурете противно тянет, руки с непривычки к тяжелой работе подрагивают... А ведь пир только начался, и таскать мне эти несчастные кувшины ещё неизвестно сколько времени... Я раньше и не думала, как хорошо живется в обычном современном мире обычной современной женщине... Невольно хочется упасть в ноги всем феминисткам и заорать в небо "girls power"...

– Значит, Бьорк тебя себе оставил? – кидает блондинка мне через плечо звенящим от неприязни голосом, вырывая из плена размышлений, – Интересно, с чего это? Зачем ты ему?

– Я не знаю... – вздыхаю равнодушно.

– Не знаешь, – передразнивает Агнес и толкает тяжелую дверь в залу, разом обрушивая на нас оглушающий шум веселья и зубодробительную смесь запахов.

Внутри уже битком. Тьму разгоняет сотня зажжённых толстых чадящих свечей, подвешенных над головами на кованых цепях, крики гостей пытается перебить какой-то парнишка в дальнем углу, играющий веселую мелодию на инструменте, очень похожем на нашу гитару. Длинные грубо сколоченные столы, расставленные вдоль стен, ломаются под тяжестью больших плоских блюд с угощениями и огромного количества глиняных кувшинов, таких же, как у меня в руке. На глаза не попадает ни одного свободного кусочка лавки – так плотно друг к другу расселись гости. Тарелок перед ними нет – только большие кубки под пиво. Все едят руками, используя вместо салфеток круглый хлеб и собственную одежду. Мой блуждающий взгляд случайно цепляется за Ульриха – ведьмака с лады, который в этот момент с наслаждением засовывает в рот целую куриную ножку, пачкая бороду и половину лица, и я, сглотив подступившую дурноту, резко отворачиваюсь. Надо бы им изобрести вилки...

– Эй, красавица, сюда! – машет мне молодой воин, щелчком подзывая к себе и указывая на свой опустевший кубок.

Я киваю и бреду к нему. По пути приходится пару раз ловко отпрыгнуть от внезапно потянувших к моей заднице рук.

– Ух, недотрога какая! Ну, подожди, поймаю! – похабный смех ударяется мне в спину, порождая липкий озноб.

Вечер только начинается, они ведь даже почти трезвые... Это сейчас они добродушно смеются, а потом? Я нервно сглатываю от нарисованных воображением картинок и решаю попробовать договориться с Боргой остаться помогать на кухне и не выходить в зал.

– Ты кто такая? Я тебя раньше не видел, – пока наливаю пиво подозвавшему меня воину, он изучает моё лицо мутными от хмеля глазами, – Красивая...

Его рука неожиданно перехватывает мой локоть. Стальные пальцы больно впиваются в кожу.

– Как тебя зовут, малышка? – его глуховатый голос наполняется масляными нотками.

Я распрямляюсь, медленно ставлю рядом с ним кувшин, поджигаю губы и молчу. Вырваться не пытаюсь. Во-первых, точно не получится, во-вторых, боюсь, как бы его это не

больше раззадорило... Воин делает паузу, ожидая от меня ответа, а потом как ни в чем не бывало, продолжает.

-Я Бран Синебокий, слышала про такого? – он довольно улыбается, будто его имя должно мне о чём-то говорить.

Я слабо улыбаюсь в ответ. Скажу, что без понятия кто он- ещё обидится...Стальная хватка на локте чуть ослабевает, и жесткие пальцы чертят на моей коже узор. Дрожащие мурашки разбегаются по телу, оседая в животе липким страхом.

– Мне работать надо, – говорю твёрдым голосом, стараясь не выдать свои истинные эмоции.

Пальцы на моём локте моментально вновь сдавливают руку безжалостными клещами. Серые глаза воина опасно сужаются...

– Слышь, Бран, это ж ведьма Хотборка. Которую вот сейчас привезли, – хмыкает какой-то дядька напротив, потянувшись через стол за принесенным мной кувшином.

Синебокий замирает, а потом хмурится, буркает себе под нос какое-то ругательство и говорит громче.

– Бьорк сказал – не ведьма она. Обычная. Даром что на голове пожар, будто сам Ордин запалил, – но мой локоть медленно отпускает.

Я тут же нервно тру пылающую кожу, отступая на шаг.

– Да, а ещё сказал, чтоб под юбку к ней не лезли, если с его топором встретиться нет желания. Его она, не помнишь? – фыркнул рядом второй воин, рвя зубами мясо.

– Сказал...– тянет раздраженно Бран, кидая на меня полный бессильной злобы взгляд, – дочка Хольма ему что ли мало? А кого трогать-то? Боргу его – злыдню толстую? Или Яру, с которой все равно что со всем тингом разом возлечь, а?

Мужики вокруг начинают громогласно ржать. А я, воспользовавшись тем, что больше на меня никто не смотрит, хватаю опустевшие кувшины со стола и стремительно возвращаюсь на кухню. Несмотря на неожиданную защиту Хотборка, все-таки решаю попробовать уговорить Боргу не отправлять меня больше в зал от греха подальше. И вообще... Что значит "его"? Какая я ему "его"? Мы так не договаривались...

Идея выторговать себе у Борги работу на кухне, а не в зале, с треском провалилась. Всё, чем помогла мне старая карга, так это "дельным" советом не надеяться на защиту ярла, которая испарится под действием хмеля через пару часов, а самой выбрать себе ухажера на вечер и прямо сейчас начать с ним заигрывать. Тогда, по её утверждению, шансы закончить эту ночь под омерзительным мне воином в разы упадут. Упадут, а не испарятся, потому как, оказывается, напившиеся варравы, вполне могут из-за меня и подраться...И, оказывается, вполне до смерти...

Выслушав столь ценные указания от домоправительницы, я, тяжело вздохнув и подхватив круглое блюдо с перепелами, вновь всплываю через темный связующий коридорчик в пропахший едой, гарью и разгоряченными телами зал. Если я думала, что шумно было до этого, то я ошибалась. Веселье перешло на новую высоту. Взрывы смеха перемежаются со злыми окриками и кое-где обрываются звуками глухих ударов. В дальнем левом углу, кажется переворачивается целая лавка. Кто-то уже скатился под стол, кто-то поет громче музыкантов, кто-то поймал служанку и, не стесняясь соседей, лезет ей под юбку. В одной из этих девушек, слабо или не очень сопротивляющихся захмелевшим варравам, я узнаю Агнес, ещё недавно помогающую носить пиво вместе со мной. Её светлые глаза, влажные от подступающих слёз, светятся жгучей обидой, лицо болезненно алеет, а шнуровка платья на груди порвана, обнажая левый сосок. Я вижу, как она судорожно дергается, пытаюсь встать, но массивная рука возвращает ее на место словно тряпичную куклу. И обладателя руки я тоже узнаю...Олаф... Тот самый, который поймал меня и притащил на ладью...Я ведь могла бы сейчас быть на её месте...

От одной этой мысли на висках выступает испарина. Я сглатываю подступившую горечь и резко отворачиваюсь. Не хочу смотреть. Вместо этого выискиваю взглядом ярла, решив, что лучшей стратегией будет держаться к нему поближе. Если уж он приказал меня не трогать, вряд ли потерпит, что кто-то нарушает его запрет прямо перед самым носом...Он же у них что-то вроде вождя, да? Я плохо разбираюсь...

Отыскать Бьорка оказывается не сложно – он восседает со своими приближенными на пьедестале в противоположном конце трапезной за длинным, заставленным угощениями столом. Если все остальные варравы расселись по скамьям, то гости за главным столом удостоились стульев с высокими мощными спинками и просто сделанными массивным подлокотниками. Одно это выделяло их из общей массы в некий аристократический круг. Что уж говорить о тарелках...Забавно, что такая простая вещь, как предмет посуды, здесь была явным указанием статуса человека.

Перехватив тяжелое блюдо с перепелами поудобней, я направляюсь прямо к пьедесталу, с любопытством разглядывая гостей, устроившихся рядом с Бьорком. Некоторых я узнаю ещё по ладье: Ульрих, заговаривавший ветер, Альв, по-видимому друг Хотборка- так часто они о чем-то шептались вместе во время плавания, мощный медведеподобный Тормод, кажется... Взгляд скользит по надменному лицу белокурой Киры, сидящей от Хотборка по левую руку, быстро минует самого Бьорка, почему-то стыдясь его разглядывать, и...возвращается обратно к ярлу, зацепившись за его черные слегка раскосые глаза, устремленные прямо на меня. Щеки невольно вспыхивают, и неожиданно я слишком остро чувствую несправедливую разницу в нашем положении. И свою зависимость от Хотборка, невидимой удавкой опоясывающей горло, тоже ощущаю каждой клеточкой. Вот я иду именно к нему в поисках хоть какой-то призрачной защиты, словно подобранный на улице щенок, след в след ступающий за своим чудом обретенным хозяином. И мне не страшно, что он будет груб, как и той собаке, потому что остальной мир, чужой и непонятный, всё равно грубее.

Туплю глаза в пол, рискуя наткнуться на кого-то из расхаживающих между столами воинов и мечущихся туда- сюда служанок и продолжая ощущать кожей черный пристальный взор. Поднимаюсь на пьедестал, молча ставлю блюдо прямо перед Хотборком, с трудом отыскав для большой тарелки место, и только тогда медленно поднимаю на Бьорка глаза. Я не ошиблась – он всё это время, пока я шла через весь зал, так и смотрел. Выражение лица ни на йоту не изменилось. Всё те же напряженно поджатые губы, острые скулы и нечитаемый глубокий

взгляд с дьявольскими отблесками очага. Меня окатывает душной неловкостью, потому что я не прислуга...Была...

– Вам ещё что-нибудь нужно? – глухо интересуюсь, облизывая пересохшие вмиг губы, – Я принесу...

Мне необходимо, чтобы было нужно. Чтобы я могла бесконечно ходить только к этому столу. Но ярл медленно качает головой, продолжая смотреть прямо в глаза. Я замираю в замешательстве, прикусив щеки изнутри. Попросить напрямую? Я не знаю, как он отреагирует на моё предположение, что его слово для пьяных сородичей перестанет что-либо значить... Ума не приложу...

– Мне нужно, рыжая, – вдруг раздаётся низкий скрежещущий голос справа. Я резко поворачиваю голову и натываюсь на ледяной выцветший взгляд дядьки Киры, Ангуса Хольма.

– Пива кувшин принеси, и со мной потом присядешь, печорка...Поболтаем... – продолжает воин, откидываясь на стуле. Хлопает себя по выступающему животу и ухмыляется одними губами, едва видимыми из-под серебряных обвислых усов, – Не откажет же мне, советнику самого конунга, ярл Унсгарда в такой малости. Да, Бьорк?

Вот...чёрт! Я перевожу умоляющий взгляд на Хотборка. Откажет же, да? Но тот лишь резко кивает, чтобы делала, как велено, и только прокатившиеся желваки под острыми скулами выдают, что ему это не по нраву.

Я возвращаюсь к столу Хотборка с полным кувшином на подкашивающихся, словно врастающих в деревянный настил с каждым шагом ног. Ставлю пиво перед Ангусом, не поднимая головы, делаю неловкий уважительный кивок, подсмотренный у других служанок, и, молясь про себя, разворачиваюсь, чтобы уйти. Он ведь мог забыть, правда? Я специально шла медленно так, как только могла.

– Рыжая, стой!

Чёрт...

– Куда?

Заторжено поворачиваюсь и вижу, как, мягко говоря, немолодой уже Ангус бьет себя по колену, ухмыляясь в седые усы.

– Там работы много. Я попозже...– бормочу в ответ, понимая, что это бесполезно. Но я просто не могу не попробовать.

– Справятся,– хмыкает Хольм.

Я, не смотря ни на кого, понуро огибаю длинный стол, прохожу за спинками стульев. Хотборк оказал мне медвежью услугу, раструбив всем, что никакая я не ведьма...Как просто было бы сейчас припугнуть этого лысого старика каким-нибудь маленьким проклятием...Хотя бы намекнуть... К горлу подступает лёгкая тошнота, стоит только подойти к Хольму вплотную. Голова начинает кружиться от задерживаемого дыхания, потому что от Ангуса натурально пах-

нет козлом! Боже...Его лапища ложится мне на талию и резко тянет вниз. Я как безвольный мешок плюхаюсь ему на колени, судорожно обдумывая своё положение. Как вариант, напоить...

– Давайте, я за вами поухаживаю, – хриплю срывающимся голосом и наливаю ему до краев.

– Ну, давай, малышка, – Ангус вальяжно откидывается на спинку стула, игриво подбросив меня на колени и, слава богу, убрав руку с талии, противной тяжестью сковывающую мышцы.

Я облегченно выдыхаю и подаю Хольму пиво. Облокачиваюсь локтями о стол, чтобы сделать площадь нашего соприкосновения как можно меньше, и рассеянно озираюсь по сторонам. Зря, потому что как-то сразу нарываюсь на черные суженые глаза ярла, сидящего от нас с Хольмом через два человека. Бьорк тоже развалился на своём стуле с самой массивной и высокой здесь спинкой, призванной подчеркнуть его положение. Устроился вполборота ко мне. Но вряд ли, чтобы наблюдать именно за моей скромной персоной, скорее его интересует Ангус. Да и так удобней подставлять своей невесте ухо для беспардонного облизывания. Кира в этот момент повисает на Бьорке, обхватив его шею тонкими руками, и принимается жарко что-то нашептывать, то и дело легко целуя то подставленную мочку, то висок. Мне становится стыдно даже просто смотреть, и в чем-то я понимаю её дядьку. Такие лобызания при всех даже у нас неоднозначно воспринимаются... Тем более, что взгляд самого Бьорка во время того, как Кира пытается его съесть вместо телятины, тяжело сверлит Ангуса Белого и неминуемо задевает меня, сидящую у него на коленях. Я невольно густо краснею и отворачиваюсь.

Тяжелая ладонь Ангуса возвращается на мою талию и тянет на себя, впечатывая мою спину в его твердый как барабан живот. Я выпрямляюсь словно шест проглотила, вдоль позвоночника стекает капелька пота. С ужасом ощущаю рассеянные поглаживания грубых пальцев на своём боку.

Музыканты заканчивают играть какую-то заунывную балладу. На смену ей приходит захватская безудержная мелодия. Половина гостей с громким гиканьем тут же вскакивает со своих мест и вываливается в центр залы, не занятый столами и лавками. В ушах закладывает от дикого шума, пол дрожит от синхронных прыжков.

Рука Ангуса ползет выше, подбираясь к груди. Меня начинает мутить, перед глазами плывет, по телу приливами растекается липкая слабость и тёмным сгустком концентрируется в районе солнечного сплетения. Плотнеет, разбухает, начиная давить на лёгкие, мешая втягивать душный, пропитанный потом и хмелем воздух. Я не понимаю, что это...

Мир словно меняется вокруг, краски становятся резче, больно впиваются в сетчатку. Мысли застилают густой бордовый туман. Мой расфокусированный взгляд, устремленный на беснующихся в танце гостей, улавливает их движения словно в замедленной съемке. Я вижу, как они открывают рты, подпевая, как высоко задирают ноги в прыжке, как хватают проходящих мимо служанок, увлекая их в свою бешеную пляску. Ладонь Ангуса накрывает мою левую грудь. Дыхание застревает, мир останавливается. Перед глазами растекается расплавленная сталь. И медленно, как мне кажется, поворачиваюсь к Хольму, перехватываю его масляный блеклый взгляд, открываю рот и понимаю, что из горла вырывается странное гортанное пение, которым я не владела никогда!

Сознание расщепляется пополам. В одной своей ипостаси я пою что-то замершему как кролик перед удавом Ангусу, наблюдая, как стекленеют его рыбы глаза, а в другой с удивлением смотрю на себя и застывшего Хольма будто со стороны, совершенно не понимая, что вообще происходит.

Пока вдруг кто-то не хватает меня за плечи, резко сдергивая с мужских колен. Я взвизгиваю от боли и неожиданности, моргаю, и обычный мир обрушивается на меня лавиной. Оглушающая музыка, топот сотни ног, пьяные выкрики, душевные, густые запахи. Трясу головой в попытке прийти в себя. И обернувшись, встречаюсь с морозными черными глазами Бьорка.

– Пусти, больно... – его пальцы так впились в предплечье, будто он пытается потрогать мою кость.

– Пошла... – цедит в ответ Хотборк с непонятной мне шипящей злостью.

Я недоуменно хлопаю глазами, на что мне прилетает ещё и осязаемый тычок в лопатку.

– Эй, Бьорк, куда? Девка моя! – пьяным голосом рычит Ангус, тоже, как и я, трясая головой. Вид у него поплывший и потерянный, будто он тоже никак не может полностью прийти в себя.

– Я сказал, не дам никому эту. Все слышали, – тихо произносит Хотборк, но от его тона у меня холодок бежит по спине, – Не смей подрывать моё слово в моём же доме, Хольм.

– Так ты ж разрешил сначала, Хотборк, нет? – сужает прозрачные глаза Ангус, – Или не выдержал, как я её лапать начал? А как же невеста твоя? Моя родная кровь, а Бьорк? Думаешь, потерпит твои шашни со служанками? Унизишь при всех?

– Не унижу, – бросает Хотборк раздраженно, но меня не отпускает. Перехватывает вместо плеча запястье и тянет за собой.

– Бьорк, ты куда? – ударяется в спину удивленный возглас вскочившей с места Киры, и дальше с лёгкой истерикой, – Почему с ней???

Я не вижу лицо Хотборка, но отчетливо замечаю, как в этот момент напрягаются его плечи. Бьорк ничего не отвечает, лишь шагает быстрее, расталкивая людей, попадающихся ему на пути и заставляя меня практически бежать за ним.

– Видать, сам решил поиграть, – доносится до меня злая усмешка Ангуса.

– Идиот, – шипит едва слышно Бьорк себе под нос, и продолжает идти прочь из трапезной.

Шум в зале скрадывает от нас ответ Киры. Мы спешно пересекаем зал, ступаем в темный коридорчик, ведущий к кухне, сворачиваем в другой, в котором я ещё не была. Здесь вообще ничего не видно, и я спотыкаюсь во тьме, морщась от того, как сильно словно клещами Хотборк сдавливает моё запястье. Он толкает какую-то дверь перед собой и швыряет меня в открывшийся проём. Не удержавшись на ногах, валюсь на низкую широкую лавку, заваленную шкурами. За спиной с грохотом закрывается дверь. Пытаюсь подняться, но не успеваю, так как Бьорк уже подскакивает сзади и хватает меня за шею, буквально выворачивая мою голову и

заставляя прямо встретить его взгляд. От боли перед глазами вспыхивают красные круги, но это мелочи по сравнению с тем, что залетает в мои уши.

– Не ведьма, значит, да? Тогда что это, великий Ордин, сейчас было? Что???

Он резко отпихивает меня от себя, и я снова валюсь на шкуры, потирая саднящее горло.

– Я не...– сиплю неуверенно. Потому что я правда ни в чем не уверена и ни черта не понимаю.

– Я видел жидкое колдовское пламя в твоих глазах. Видел, как ты чуть не убила Хольма, – Бьорк наступает на меня с каждым произнесенным словом, упирается кулаками в мех по обе стороны от моей головы, наклоняется так близко, что его дыхание обжигает моё лицо, – При всех. Скажи спасибо, что, похоже, видел только я, а Ангус, как обычно это бывает, не понял, что с ним произошло. Иначе ты бы уже разрубленная валялась прямо в трапезной на полу. И говори. Ради Ордина говори мне правду, Хельга. Иначе я тебя сейчас сам убью, поняла?

6

– Слезь... – сиплю, смотря в устремленные на меня черные пронизывающие глаза.

Он слишком тяжелый – навалился как медведь. Края лавки больно впиваются в лопатки, шею приходится напрягать, держа на весу голову. И этот запах мускусного кедра, исходящий от Хотборка, рождает уж совсем неуместные на данный момент мысли. Например, что он красивый... И у него крепкие бедра – я их чувствую... И... И вообще он меня тут грозит убить!

– Слезь! – рявкаю громче опешившему от подобной наглости воину и толкаю его ладонью в грудь. Бессмысленный жест. Разве что теперь я знаю, что грудь у него тоже крепкая, – Ребра сдавил, дышать больно.

В черных глазах, так близко находящихся от меня, мелькает недоуменная насмешка.

– Ты могла бы воспользоваться тем, что ты красивая женщина, ведьма. Но... как хочешь, – хмыкает Хотборк и лениво поднимается.

Я наконец могу втянуть воздух в лёгкие. Сажусь на шкурах, зеркала его взгляд исподлобья. Медленно тру горло, раздумывая, что говорить. Идей у меня нет и выбора тоже. Только правда вертится на языке. Но у них тут так принято за что-нибудь убивать, что я не уверена, что эту правду переживу.

– Ну? – ярл нетерпеливо вскидывает брови, собирая лоб гармошкой, и скрещивает руки на груди, качнувшись на пятках, – Твой последний шанс, Хельга, убедить меня, что живая ты лучше, чем мёртвая...

– Я... – судорожно сглатываю, чувствуя, как потряхивает от нервного озноба. Господи, это никогда не кончится, – Я... На самом деле я ничего не помню. Только своё имя, но я без понятия, какие у меня способности, как ими управлять. Я ничего не чувствую такого...

Хотборк хмуро сдвигает брови, задумчиво проводя рукой по щетинистому подбородку.

– Ты сказала, что видишь, – напоминает он.

Развожу руками, виновато улыбаясь.

– А что мне было делать? Ты пригрозил, что, если я ничего не умею, ты отдашь меня на потеху своим друзьям, разве нет?

Ярл на это вдруг улыбается.

– Хитрая, значит? Ну-ну...

Трёт лицо и, устало вздохнув, садится передо мной на корточки, заглядывая в глаза снизу-вверх. Мне становится неловко от его какой-то очень доверительной позы и пронизательного глубокого взгляда, впивающегося в меня.

– Правда не помнишь ничего? – вкрадчиво интересуется Бьорк, рассеянно перехватывая край моей юбки и перебирая пальцами грубую ткань.

– Последнее, что помню, костер, – опускаю взгляд на его смуглые руки. И зачарованно наблюдаю, не рискуя смотреть в глаза, – Может, дыма надышалась. Может... не знаю. Я не знаю, что сейчас произошло в трапезной, правда. И как это вышло- тоже нет...

– Ну как вышло- понятно. Смерти пожелала ему... – задумчиво бормочет Бьорк и ещё тише, будто сам собой, – Мне, значит, до сих пор не желала.

Мне хочется на это насмешливо фыркнуть, что очень даже желала, особенно когда лук три часа резала, но я благоразумно прикусываю язык. Тем более, тогда я ведь действительно желала не всерьёз – так, ворчала про себя. Не то, что с Ангусом... Поэтому я молчу и лишь с бо'льшим интересом разглядываю мужские пальцы, мнущие край моей юбки. Пока Бьорк не перехватывает мой подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

– Нравлюсь тебе? – снисходительно улыбается Хотборк, собирая лучики морщинок в уголках глаз.

Не выдерживаю и "п-ф-ф-ф" всё-таки издаю, уворачиваясь от его руки. Скажет тоже. Нет, ну если с Ангусом сравнивать, то конечно....А так. Перед глазами мелькает его дама с топором, а вслух я произношу:

– Ты хотя бы не пытаешься меня изнасиловать.

– А ты такая недотрога, Хельга? -насмешливо фыркает Хотборк на это и встаёт с корточек, снова возвышаясь надо мной.

– Послушай, печорка, – Бьорк снова трёт короткую бороду, задумчиво разглядывая меня. Его низкий голос обретает глубокую бархатную хрипотцу, мурашками расходящуюся по коже, – Допустим, я тебе поверю. Допустим, я поговорю с Вейлой, когда та вернётся, и упрошу её учить тебя использовать свой дар. Допустим, я заберу тебя из работного дома, чтобы ты ненароком не раскрыла свой дар перед служанками и поселю у себя, давая уже настоящую защиту. Допустим...

Бьорк вновь наклоняется ко мне, упираясь кулаками в шкуры и вынуждая отклониться назад, чтобы наши лбы не столкнулись. Но он все равно оказывается так близко, что черные глаза, сверлящие меня, начинают двоиться. Хотборк понижает голос до проникновенного шепота, пробирающегося под кожу.

– Допустим... Я сделаю всё это для тебя, Хельга, – тихо произносит он, – Дашь ли ты мне за это клятву, ведьма... Что когда я обращусь к тебе с просьбой, ты во что бы то ни стало её исполнишь, м?

– К-какой просьбой? – я нервно облизываю губы и вижу, как Бьорк скашивает взгляд вниз, следя за этим жестом. Тут же плотно закрываю рот.

– Какой? Ну ты же отбирающая жизни... Твоя жизнь в обмен на чью-то... другую... Справедливо...

– Отбирающая жизни? Я не, я не знаю...

– Я знаю, – Бьорк резко поднимается, моментально возвращая своему голосу обычное холодное звучание, – И мне нужна твоя клятва. Дашь – будешь жить. Нет...

И он выразительно кладет правую руку на охотничий нож, закрепленный на поясе. Я прослеживаю путь его ладони, уверенно обхватывающей кожаную рукоять, шумно вдыхаю и выпаливаю.

– Конечно, дам!

Я морально готовлюсь к тому, что мне сейчас будут резать запястье, как в фильмах, чтобы эффектно скрепить наш уговор кровью. Ну, или хотя бы смачно плюнуть на ладонь... Но Бьорк только разворачивается на пятках, кидая нетерпеливое "пойдем" через плечо, и устремляется к выходу.

– А клятва? – недоумеваю я, подскакивая с лавки, – Клятву надо?

Хочется уже хоть какой-то стабильности и гарантий. Если для этого надо пообещать убить кого-то в туманном будущем, то... П-ф-ф-ф... Я готова!

– Перед Вейлой дашь.

– А-а-а, – тяну я ответ, кивая головой и поднимая юбку повыше, чтобы поспевать за скорым шагом Хотборка.

Бьорк минует кухню, сворачивает в коридор пошире, освещенный лишь тусклым лунным светом, едва пробивающимся сквозь узкие прорезы окошек. Пересекает большую комнату, напоминающую сарай. Ступает в следующий коридорчик, судя по гулу за стеной, огибающий трапезную. И толкает неприметную дверь, за которой начинается скрипучая узкая лестница...

– Мы куда? – интересуюсь я наконец, хватаясь за деревянные потемневшие перила и прожигая взглядом широкую мужскую спину, маячащую перед самым моим носом.

– В мою спальню. Со мной жить будешь, Хель, – спокойно отвечает Хотборк.

– М-м-м, – тяну неопределенно вслух, в то время, как язык моментально начинает покалывать от вороха вопросов.

Сбавляю темп, обдумывая, как бы их все задать и понимая, что, кажется, мы пришли. Пока я, не торопясь, поднимаюсь по лестнице, Бьорк зажигает свечи на второй этаже, и большая комната, размером почти как половина трапезного зала, заполняется дрожащими на стенах тенями.

– Проходи, Хель, – бросает Хотборк, перенося очередную свечу вглубь помещения.

– Ага, – я с любопытством озираюсь, преодолев последнюю ступень.

Здесь...пусто. По периметру бревна, подпирающие крышу, по углам кованые сундуки, на одном из них таз и большой глиняный кувшин, у окна грубо сколоченный стол со скамьей. Затопленная печка по левую руку от меня дружелюбно потрескивает охваченными пламенем поленьями, медвежья шкура растянулась напротив очага. Справа от печи угол завешен легкой полупрозрачной тканью, за которой угадывается гора шкур, наваленных прямо на пол. Вот в общем и всё...Мда... Не так я представляла себе ярловские апартаменты...

– Ты не очень-то привередлив, да, Хотборк? – Я неуверенно переминаюсь с ноги на ногу, обводя взглядом комнату и искренне не представляя, как мы тут с ярлом уживемся. Может быть, есть ещё одна спальня, нет?

– Не хотел жить, окруженный вещами отца, а своих у меня никогда много и не было, – рассеянно отвечает Бьорк, скрываясь за занавесью в дальнем углу.

– М-м-м, – тяну, обнимая себя за плечи и подходя к потрескивающей печи, – Значит недавно здесь обосновался?

– Это дом для ярла, недавно... – прилетает в ответ. Какая-то возня, а потом Бьорк появляется из-за трепещущих от сквозняка занавесок с ворохом шкур в руках.

– Спать здесь будешь, – бодро заявляет он.

– Где? – переспрашиваю я, не понимая.

– Здесь, – повторяет ярл и кидает шкуры прямо на пол за самым толстым столбом в противоположном углу от занавесок, видимо считая, что торчащего из пола массивного бревна вполне достаточно для чувства уединения.

– А ты? – хриплю.

– А я там, – и указывает на занавески.

– Я тоже хочу занавески, – хмурюсь, смотря на его более комфортное ложе.

– Завтра, – отмахивается Бьорк и разворачивается к лестнице, похоже, собираясь уходить.

– Ты куда? – я растерянно развожу руками.

– На пир, куда же ещё, Хель, – Хотборк недовольно хмурится на мою непонятливость, уже наполовину исчезнув в лестничном проёме. Добавляет резко, – Спи.

– А...А невеста твоя как же? Не будет против, что я тут... – я нервно заламываю пальцы и доверительно добавляю тише, – Видел? У неё топор...

Бьорк пару раз хлопает глазами, а потом вдруг раздражается веселым смехом.

– Ведьма- трусиха, великий Ордин... Спи, Хель. С топором я без тебя разберусь.

Я зарываюсь в шкуры, устраиваясь поудобней. В противоположном углу умиротворяюще потрескивают поленья в открытой печи, разукрашивая огненными танцующими отблесками темные бревенчатые стены. Чадят толстые заплывшие свечи, расставленные по сундукам, снизу доносится залихватский шум творящегося в трапезной веселья. Пол подо мной мерно подрагивает от дружного топота сотни ног во время танцев, всё тело гудит после непривычно большого количества работы, в ушах зудит приглушенная простая мелодия, зычные выкрики и смех то и дело прорываются во все больше охваченное дремотой сознание. И я засыпаю... Буквально проваливаюсь в густой тяжелый сон без сновидений. С наслаждением отдаюсь ему полностью, мечтая лишь об одном – проснуться дома.

Выпутываюсь из вязкого сна с чётким ощущением, что кто-то на меня пристально смотрит. Я всегда была чувствительна к таким вещам. С самого детства. Мама рассказывала, что, уложив меня, всегда сразу уходила из комнаты, потому что, если сидеть рядом и смотреть- я обязательно просыпалась.

С трудом размыкаю отяжелевшие веки и рассеянно ищу источник дискомфорта. Взгляд падает на мягкие кожаные сапоги у самого моего носа. Скользит выше по темным штанам, минует льняную рубашку, распахнутую на почти безволосой смуглой груди и замирает на сощуренных масляных глазах ярла, устремленных на меня. Выражение его лица, то, как расслабленно он опирается плечом о столб, мутный блеск во взгляде – всё выдает в нем пьяного. Очень пьяного человека. И то, что он, вот такой вот очень пьяный не нашел занятия поинтересней, чем стоять у меня над душой, откровенно нервирует... Я моментально просыпаюсь окончательно, сбрасывая с себя остатки тяжелого сна и сажусь, натянув шкуру до самого подбородка. Попутно отмечаю, что пол уже не дрожит от топота танцующих, вокруг непривычно тихо, а из окон в комнату льётся предрассветная темно-серая хмарь.

– Забы-ыл сказать, – тянет Бьорк, опасно качнувшись и растягивая слова, похоже совершенно не смущенный тем фактом, что мне разбудил, – Бежать некуда. Унсга-ард- остров.

– Я и не собиралась, – бормочу, сильнее оборачиваясь шкурой.

– Не собиралась она, – хмыкает Бьорк, складывая губы в кривую усмешку, – И я должен тебе верить?

– Можешь не верить, – бросаю на автомате и тут же прикусываю язык.

Не уверена, что дерзость здесь приветствуется. По крайней мере от людей моего положения. Но Хотборк только улыбается шире и присаживается напротив меня на карточки, щуря свои черные глаза. Я отшатываюсь, когда он вдруг протягивает руку, чтобы коснуться моих волос, но ярл всё-таки перехватывает непослушную прядку у виска и медленно пропускает её сквозь пальцы. Блики огня пожаром горят в волосах.

– Красиво... – задумчиво тянет Хотборк и убирает руку.

Вновь глядит мне прямо в глаза, вкрадчиво продолжая.

– Ты красивая женщина, ведьма, я ведь тебе уже говорил?

Я молча киваю, еще чуть-чуть отодвинувшись. Блеск его глаз, пьяный и плавающий, тревожной дрожью отдается животе. Воздух вокруг нас словно густеет, отсекая от остального мира, и в моей голове вспыхивает табличка с надписью "опасно". Незаметно отодвигаюсь ещё на миллиметр, крепче обхватывая колени.

– Вам бы, ярл, поспать. Светает... – ласково произношу, наблюдая за ним как кролик за удавом.

Бьорк на это плюхается рядом на задницу. Лениво откидывается назад, упираясь затылком в столб, и сквозь шкуру перехватывает мою лодыжку.

– Зовешь с собой что ли, Хель? – мурлычет пьяно, скользя пальцами вверх по моей ноге через мех.

– Что? Я??? Не-е-ет! К себе иди, говорю! – выпаливаю возмущенно.

Правда не сразу, потому что в первую секунду у меня от его предположения буквально отпадает челюсть. Господи, ну и самомнение! Так что к тому моменту, как я начинаю протестовать, Хотборк уже нагло мнёт моё бедро. Приходится для убедительности ещё и по руке шлёпнуть.

– У тебя вообще невеста есть, забыл? – рычу на него, гневно сверкнув глазами.

Наши взгляды встречаются, ярл замирает и наконец медленно убирает горячую ладонь с моего бедра. Повисает густая пауза. Хотборк словно трезвеет. Сжимает челюсти и тяжело оглядывает меня исподлобья.

– Да что ты знаешь о моей невесте? И обо мне??? Да тебе и не понять, ведьма, – вдруг хрипло произносит, – Нет корней, нет чести, нет долга...

-Ты о чем вообще, Хотборк? – удивленно вскидываю брови.

– Ничего в тебе нет, – продолжает Бьорк, словно меня не слыша и распаяясь с каждым новым произнесенным словом, – Бьешься за себя, живешь для себя, предашь ради себя. Ты словно Мара (злой дух) путаешь меня!

И в этот момент я беспомощно хриплю, выпучив глаза, потому что пьяный псих вдруг перехватывает моё горло и резко притягивает к себе.

– Скажи, Хель, скажи, – жарко бормочет Хотборк словно в бреду, обжигая влажным дыханием моё испуганное лицо, – Ты ведь колдуешь сейчас, да? Чтобы я хотел тебя? Скажи?!

-А-а-х-х-х... – сиплю я «охренел что ли, пусти!», но как-то не очень выходит. Перед глазами начинает предательски плыть, и в затуманенном мозгу проносится, что... Ну... Так умереть всё-таки лучше, чем сгореть заживо...

-Бьорк? – удивленный женский возглас доносится до меня словно сквозь толщу воды, – Бьорк, что происходит???

Стальная хватка на моей шее исчезает. Я тут же закашливаюсь и сквозь выступившие слёзы выхватываю удивленное лицо Киры прямо перед собой.

Бьорк переводит на нависающую над нами невесту нечитаемый мутноватый взгляд.

– Ты что здесь делаешь? – интересуется не очень-то вежливо, вставая.

Но Кира и не думает смущаться столь неласковому приему. Гневно сдвигает пшеничные брови на переносице, сжимая кулаки, а потом со всей дури толкает ими ярла в грудь. Очень опрометчиво, так как наш общий кавалер еле стоит. Бьорк ожидаемо сильно накрывается из-за удара. И от участи быть придавленной совсем не маленьким мужиком меня спасает только столб, в который ярл впечатывается спиной. Киру это не останавливает, и она от души пихает его в грудь ещё раз.

– Это ты что здесь делаешь, Хотборк? Со своей новой игрушкой забавляешься, а? Так значит выглядит твоё "мне плевать на неё", да? – яростно рычит блондинка.

Я внутренне возмущенно охаю, вперивая в вероломного ярла звенящий злостью взгляд. Ах, значит плевать ему... Врун! Нет, я не претендую, но обидно, знаете ли... Плевать...

– Успокойся, фурия! – цедит Бьорк, вдруг слишком ловко для пьяного перехватывая молотящие его кулачки невесты, – Мы просто говорили... А вот тебя здесь быть не должно, да?!

Кира пытается вырваться, мечется в его руках, шумно сопя, но куда там! Хотборк без видимых усилий удерживает оба её запястья правой ладонью, левой обхватив талию и толкая в противоположный угол комнаты.

– Пусти, – шипит блондинка глуше, и голос её меняется, затихая и обретая низкие хрипловатые нотки, – Пусти, Бьорк...

– Я же тебе говорил- нельзя, – то же тише отвечает он, не выпуская, – Хочешь, чтобы Ангус на тинге опозорил тебя, а меня выставил насильником, не уважающим свободную женщину? Этого хочешь, а, Кира?

– Нет, не этого... Тебя хочу... Я так хочу тебя... – вдруг шепчет страстно в ответ блондинка, а я ошарашенно замираю. Что???

– Бьорк, пожалуйста, я завтра уеду, я умру без тебя, Бьорк... – она, пятась под его напором, привстаёт на цыпочки, чтобы дотянуться до губ ярла.

Но роста не хватает, и Кира в итоге целует Хотборка куда-то в шею и в подбородок, а я с ужасом понимаю, что пятась они к его занавескам. Э-э-эй! Я всё ещё тут! Вот чёрт! Раздумываю над тем, чтобы покашлять и напомнить о своём присутствии, но духу не хватает, и я просто сворачиваюсь клубочком на своих шкурах и сквозь щель в накинутах сверху мехах, периодически жмурюсь от лихорадочного смущения, продолжаю наблюдать за происходящим.

– Плохая идея, – бросает Бьорк раздраженно, – Уходи! Тебя могли видеть...

Но сам не отталкивает её. Отпускает тонкие запястья, и руки блондинки тут же цепко обвивают его шею. Ярл обхватывает девушку за талию, грубо сминая и прижимая к себе.

– Не порть всё, Кира... – хрипло шепчет ей в волосы.

– Ты уже сам всё испортил, – я не вижу её лица, но слышу улыбку и жаркое обещание в её голосе, – Тогда, в Хельмуте, когда соблазнил меня... Тогда тебя не очень-то волновала честь свободной женщины, Хотборк... А теперь я тебя хочу. Сейчас. И меня никто не видел, Бьорк, клянусь...

Хотборк ничего не отвечает, потому что в этот момент они начинают целоваться. Я жмурюсь от дичайшей удушающей неловкости и прячусь под шкуры с головой окончательно. Надежды, что он прогонит эту хмельную нимфу с каждой секундой всё меньше... Шорох одежды, звуки объятий, неровных шагов, смачных причмокиваний, стон... Да за что мне это!!!

– И ты сразу уйдешь... – хриплый бас Хотборка звучит для меня смертным приговором.

Не успевая обдумать, правильно это или нет, я выскакиваю из своей горы шкур как чёрт из табакерки.

– Я в туалет, извините! – пишу, проносясь мимо зажимающейся парочки, стараясь не смотреть в их сторону. Однако то, что они уже улеглись, боковым зрением всё-таки улавливаю.

– Куда? – недоуменно переспрашивает Бьорк, приподнимаясь на локтях и немного слезая со своей будущей благоверной, – Что такое «туалет»?

«То место, где меня сейчас, похоже, вырвет от впечатлений. Спасибо, Хотборк!» – яростно выкрикиваю в ответ этому извращенцу про себя. Но вслух вообще ничего не произношу, просто сбегая вниз по лестнице.

– Пусть, – доносится до меня насмешливый голос Киры и потом ласково, как кошка сметане, – Иди ко мне, любимый...

Сбежав по лестнице, я наугад заворачиваю налево и, миновав какую-то то ли кладовую, то ли горницу, наконец оказываюсь на улице. Судя по всему, это внутренний двор, и выбежала я с черного входа. Вокруг сараи и другие хозяйственные постройки, земля замешана в грязевую кашу с четкими отпечатками лап домашних птиц и животных, а от пустынной сейчас улицы справа от меня территорию ограждает невысокий частокол деревянного забора. Свежий влажный воздух моментально оседает на волосах, закручивая прядки колечками у лба и висков, и остужает разгоряченные легкие. По двору стелется плотным туман, напоминающий молоко, отчего ногам сразу становится зябко. Я ежусь, переступая на порошке до сих пор босыми пятками, уже такими черными, что грязь на ногах вполне может сойти за обувь, и присаживаюсь на сваленные у стены доски. Мда...

Где-то вдалеке занимается алый рассвет... По округе то тут – то там разносятся одинокие крики первых петухов. Запах сырой земли перемешивается с навязчивым ароматом куриного помета, росы на траве и влажного дерева, создавая неповторимый деревенский флёр. И мне вдруг так тоскливо, что хочется взвыть в голос.

Один вопрос вертится в голове: за что?

Я любила свою жизнь, которую теперь, похоже, могу с уверенностью называть прошлой: у меня была дружная, вполне обеспеченная семья, старший брат- зануда, друзья всех мастей, пара серьёзных любовей, неплохое высшее образование, двушка в центре, доставшаяся после прабабушки, интересная работа, неплохой доход, хомяк Федор, в конце концов... Как говорится – ничто не предвещало... Знаете, я читала пару книг про попаданок во время долгих перелетов, и вот там обычно всё не так. Если отталкиваться от прочитанного, то обязательное условие приобретения новой жизни – полный и сокрушительный провал в прежней. Когда ты безоговорочный неудачник и жалеть тебе уже совершенно не о чем. Вот тогда небеса сжаливаются над тобой и дают второй шанс, беззвучно напутствуя: " Не-е-е про-о-о...". Ну, вы поняли...

Так вот. Это был точно не мой случай. И пусть я жалела не об оставленном бесхозном теперь муже и толпе наших прекрасных детей, а помрущем с голоду без меня хомяке, но это ведь только потому, что я достаточно рассудительна, ещё молода, никуда не тороплюсь и умею предохраняться...

В общем, какая-то жестокая, невероятная несправедливость...

От нечего делать поднимаю с земли тростинку и начинаю выводить бездумные узоры в грязи перед собой, поджигая начинающие подмерзать пальцы ног. Всё-таки сапогами разжиться бы не помешало... Усталость от недосыпа и обилия впечатлений давит на и без того тяжелые веки и отдаётся навязчивым гулом в ушах. Пару раз я ловлю себя на том, что клюю носом, рискуя рухнуть прямо в усердно сдобренную куриными испражнениями грязь под моими ногами. Скоро они там? Как спать хочется, господи... Может зайти в дом и на лавке какой-нибудь пристроиться? Кто его знает, этого ярла? Может он у нас чемпион по части длительности взрослых развлечений... Я остервенело тру лицо ладонями, пытаюсь сбросить побеждающую дремоту и, побряхтывая, уж было встаю, как до меня доносится отчетливый хлопок другой входной двери. Саму дверь я не вижу, зато сквозь редкий забор выхватываю взглядом торопливо проходящую мимо по улице женскую фигуру, кутающуюся в темно- синий плащ с явным намерением скрыть лицо. Если бы не сверкнувший на боку прохожей знакомый боевой топорик, я бы её не узнала. Кира, с опаской озираясь по сторонам, перебегает на противоположную сторону дороги, посильнее заворачивается в плащ, так, что одежду становится совсем не видно, и сворачивает в первый же узкий переулочек, исчезая с моих глаз.

Отлично... И ярл не чемпион... Сколько прошло? Минуты три – пять? И стоило из-за этого так упрашивать... Фыркнув, я встаю, с наслаждением потягиваясь и уже предвкушая, как растянусь на мягких шкурах под мерный пьяный храп удовлетворенного невестой Хотборка. Неторопливо захожу обратно в дом, поднимаюсь по лестнице, прислушиваясь к каждому шороху наверху. Точно спит? Хоть бы...

Ничего не слышно. Весь дом замер, уставший после дикой залихватской пьянки. Так тихо, что мне чудится, что я улавливаю, как кружится в воздухе пыль, и каждый мой шаг отдаётся эхом на всю округу. Скрипнув половицей, аккуратно ступаю на цыпочках, пробираясь к своему лежищу из шкур. Длинное растянувшееся тело Хотборка угадывается неровным силуэтом за запахнутыми занавесками. Спит...

Уже смелее подхожу к своим шкурам, раскладываю их поудобней и наконец-то ложусь. По телу струится усталое блаженство, когда я зарываюсь в теплый мех поглубже. Ерзаю, устра-

иваясь поудобней, и случайно устремляю взгляд на ложе напротив. Зря. Черный глаз по пояс голого ярла, растянувшегося на животе и подложившего руки себе под голову, моментально прожигает меня насквозь каким-то очень уж недобрым взглядом. Я моментально крепко жмурюсь, теша себя безумной надеждой, что Хотборк поверит, что я уже сплю, но, конечно, она не сбывается.

– Сюда иди, ведьма, – сиплым голосом приказывает Бьорк.

Чёрт! Только жмурюсь сильнее... Он ведь бояться меня должен, нет?! Я же ведьма, сам говорит...

– Быстро! – гневный окрик варрава буквально подбрасывает меня на шкурах, вынуждая встать.

И я, сдавшись, послушно плетусь к Хотборку, проклиная всё на свете.

– Что? – вяло интересуюсь, даже не пытаюсь убрать усталую обреченность из голоса, когда останавливаюсь от ярла в паре шагов.

Взгляд невольно скользит по голой мужской спине, распластанной у моих ног. Отмечает длинную белую полосу шрама на левой лопатке, изгиб вьющейся татуировки-змеи на боку. Такой реалистичной, что, когда ярл приподнимается на локтях, приводя в движение мышцы, змея будто оживает и двигается вместе с ним. Опаленная солнцем, смуглая кожа Хотборка перетягивает на себя слишком много моего внимания, и приходится сделать над собой усилие, чтобы перестать разглядывать его мускулистую спину и перевести взгляд на хмурое мужское лицо.

– А ты не знаешь, ведьма? – цедит грозно Бьорк сквозь зубы.

Я только брови удивленно вскидываю. Всё, что я знаю, что сейчас стоя усну от усталости, но ведь вряд ли он про это, да?

– Понятия не имею, – твёрдо заявляю я.

И тут Хотборк делает нечто совершенно неожиданное. Резко выпростав из-под себя руку, он хватая меня за левую лодыжку и рывком тянет на себя, отчего я неуклюже мешком валюсь на пол. Больно приземляюсь на задницу, и, взыв от прострела в копчик, выкрикиваю.

– Офигел?!

– Что? – ярл ржет, громко и раскатисто, – Что это значит – «офигел»? Ты очень странно говоришь, ведьма, знаешь?

– Значит, что офигел... – бурчу себе под нос, кривясь и потирая ушибленный зад.

Лицо Хотборка теперь совсем близко, и я вижу гаснущие искры веселья в его черных раскосых глазах.

– Если это что-то вроде "сошел с ума", то это скорее про тебя, ведьма... Сотворить со мной такое, – хрипло заявляет Хотборк, переставая улыбаться.

Его взгляд меняется, тяжелея и плавясь. Шероховатая ладонь, крепко обхватывающая мою щиколотку, медленно ползёт по ноге вверх.

– Снимай свой морок, Хель, пока не поздно, – обманчиво бархатным голосом предлагает Бьорк, оглаживая мою коленку под юбку и повергая этим в шок, – Иначе я за себя не ручаюсь.

– Ка...какой морок? – мямлю я, – Я правда не пони...

Не дослушав, Хотборк с раздраженным рыком вновь дергает меня к себе, привставая со шкур. И я охнуть не успеваю, как оказываюсь на спине, придавленная сверху жарким, тяжелым и, твою мать, оказывается абсолютно голым мужским телом.

– Этот морок, Хель, этот! – разъярённо хрипит Бьорк, склоняясь к моему лицу и обдавая кожу горячим кедровым дыханием, – Чувствуешь?

Он выразительно вдавливаясь в меня, качнув бедрами, отчего я моментально заливаюсь жгучим красным. Ну...тут надо трупом быть, чтоб не почувствовать...

– Стоит! – возмущенно восклицает ярл.

– П-поздравляю...– бормочу в ответ, умирая от смущения и отводя взгляд от его искаженного праведным гневом лица.

– А с Кирой только что нет! – рычит озлобленно Хотборк, больно перехватывая пальцами мой подбородок и заставляя вновь взглянуть ему в глаза.

– С-соболезную...– выдавливаю из себя я, не зная, куда себя деть от этого милого разговора.

– Исправь это...– угрожающе шипит Бьорк.

– Подожди пару минут, скоро сам упадёт, – нервно облизнув губы, предлагаю я.

– Ах ты, мар-р-ра...– рычит страдальчески Хотборк и впивается мне в рот.

От шока я широко распахиваю глаза, вперив ошалелый взгляд в бревно перекрытия у меня над головой. Нежную кожу саднит от жесткого давления, царапает щетиной, терпкий привкус кедра и кисловатые нотки хмеля обжигают кончик языка. Мужские губы вжимаются в мои, неумолимо размыкая, внутрь проталкивается язык, сплетаясь с моим. Я не отвечаю, но застываю под Бьорком, не находя в себе сил даже для малейшего сопротивления. Меня дезориентируют тяжесть его голого тела, которое я ощущаю каждой клеточкой, влажное сбивчивое дыхание, сплетающееся с моим, движения его языка, находящего мой. Я просто...Я...

Ярл, довольно заурчав что-то нечленораздельное, отстраняется от моего рта, влажно целует в шею, чуть скатившись с меня на бок, лениво оглаживает моё бедро и...затихает. А через секунду мою левую барабанную перепонку разрывает его громогласный храп.

Что...Всё? Боже...

Нет, я рада, но...

Нет, Оля, ты рада! Рада, отлично же, да? Отлично...

Надо бы выбраться из-под этого алко-Казановы. Если повезет, то наутро Хотборк вообще ничего не вспомнит. Или сделает вид, что не вспомнит, что меня тоже абсолютно устраивает. Я аккуратно пытаюсь приподнять тяжелую лапицу, покоящуюся на моём животе, но тут же замираю от недовольного сонного рыка. Тяжко вздыхаю, решая подождать, пока Бьорк заснет покрепче. Силюсь не закрывать глаза... Но мне вдруг так уютно и тепло. И веки будто чугунные, и ноющие мышцы млеют, расслабляясь, и...

Я так и засыпаю в объятиях своего пьяного голого «хозяина».

7

Просыпаюсь я от того, что кто-то настойчиво тормозит мою коленку, высунутую из-под вороха шкур. Открываю, щурясь, глаза, и тут же натываюсь на пристальный скальпирующий взгляд Хотборка. По телу лавиной прокатываются покалывающие до дурноты мурашки, и прошлая ночь предстаёт пред внутренним взором в мельчайших подробностях. Слава богу, он уже встал и одет... Проснуться в обнимку с ним голым... Я бы... Шумно сглатываю, не в силах додумать, и медленно приподнимаюсь на локтях, хмуро взирая на своего "хозяина".

– Долго спишь, ведьма, – роняет Бьорк, отпуская моё колено и выпрямляясь.

На нем та же одежда, что и вчера на пиру: светлая льняная рубаха с толстой шнуровкой на груди, темные полотняные штаны, мягкие невысокие кожаные сапоги, пояс из той же, что и обувь, рыжей кожи со свисающими сбоку топориком и короткими ножнами. Только теперь длинные смоляные волосы Хотборка не распущены, а убраны в несколько колосков- косичек, змеями расползающихся по его широким плечам. А ещё от Бьорка вкусно пахнет и, учитывая, какая постоянно вонь царит кругом, это просто невозможно не заметить. Я невольно с жадностью втягиваю хвойный аромат, исходящий от мужчины, остро ощущая при этом, какая я по сравнению с ярлом сейчас грязная. Мне становится до тошноты неловко, и я, кутаясь в шкуры, подтягиваю колени плотнее к груди и насуплено поглядываю на чистенького Хотборка.

Бьорк наклоняется и привычным уже жестом перехватывает мой подбородок двумя пальцами, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

– Я проснулся голый, ты лежишь рядом... Что было, ведьма? Я брал тебя? Ты сама пришла? – вкрадчиво интересуется ярл, блуждая пытливым взглядом по моему лицу.

– Пф-ф-ф, ещё чего! Сама... – от возмущения у меня воздух в легких начинает булькать. Какой он всё-таки... От скромности не умрет, – Сама к тебе только твоя невеста ходит, Хотборк!

– Кира? Она здесь была? Что ты мелешь? – у Бьорка на секунду округляются его раскосые глаза, а пальцы на моем подбородке непроизвольно вдавливаются сильнее. Я морщусь от боли, и Хотборк, опомнившись, отпускает.

– Была. Попрошаться хотела, не знаю, что у вас тут происходило, я ушла, – аккуратно выдаю неполную версию событий, опасаясь новых обвинений в каком-нибудь мороке. Нижняя часть лица выразительно горит, намекая на то, что после нежных прикосновений Хотборка, скорее всего, мне на память останутся синяки, – Потом я вернулась. Ты был голый, подозвал к себе, повалил рядом и... захрапел.

Я развожу руками.

– И всё? – подозрительно щурится Хотборк.

Киваю, хлопая на него кристально честными глазами. Бьорк тяжело вздыхает и чешет заплетенную макушку.

– Ладно, – рассеянно бурчит, отходя от меня, – Вставай, Хель. На рассвете Вейла вернулась. Проводим драккары Хольмов, и сведу тебя к ней. Посмотрим, что старая ведьма скажет...

Бросив задумчивый взгляд в окно, Хотборк резко поводит головой, словно сбрасывая оцепенение, и скоро направляется к выходу.

– Ну? – его нетерпеливый окрик бьёт по барабанным перепонкам.

Прежде чем подняться, я опускаю взгляд на свои черные ступни. Раздраженно повожу плечами из-за неприятно липнувшего к телу, пропитанного морской солью и по'том обгорелого у подола платья, и с легким отвращением принимаю себя.

– Я очень хочу помыться, – поднимаю на ярла глаза, – А ещё я босая, и чистое платье тоже бы не помешало, Хотборк...

Тяжело вздыхаю, вставая. Бьорк криво усмехается, ощупывая меня придирчивым взглядом с ног до головы, похоже, только сейчас осознавая, в каком я состоянии, задерживается на моих чумазных ступнях и резко вскидывает снисходительный взор обратно к моему лицу.

– Да, не помешало бы... – тянет своим бархатным низким голосом, – Воняешь, ведьма... Правда, я думал, что это запахок твоего скверного характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.